Г. ЧЕЛПАНОВ

ОБЪЕКТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

в РОССИИ и АМЕРИКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Т-ва „А. В. ДУМНОВ и Ко“
МОСКВА — 1925

Г. ЧЕЛПАНОВ

ОБЪЕКТИВНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

в РОССИИ и АМЕРИКЕ

(Рефлексология и психология поведения)

Издательство
Т-ва „А. В. ДУМНОВ и К°“.
Москва ▫ 1925

1064
25

Главлит № 27075. Тираж 2000 экзем.
Типогр. Торг.-Произв. Отд. МОНО. Донская, 49.

„Психология, олицетворяя „сознание“ и „самосознание“ и приписывая им магическое свойство не ошибаться (как это полагается „безгрешной“ божественной душе нашей).. называется „чистой психологией“ (термин „чистое сознание“ отзвук старого учения о „чистой душе“, т-е душе, свободной от всякой телесной скверны)“..

Материалист Блонский Очерк научной психологии стр 13.

„Анатомия нам говорит только о мертвой вещи и именно поэтому она не говорит обо всей истине. Наука теперь и навсегда не может покидать точку зрения жизни или замещать ее чем-либо. Жизнь, ощущение, мышление есть нечто абсолютно оригинальное и гениальное, неподражаемое, незамещаемое, необнаруживающееся; они в действительности суть нечто, само через себя познаваемое (durch sich selbst erkennbare), но они не суть мистифицированное, переряженное абсолютное спекулятивной философии и теологии“.

Материалист Feuerbach. Werke изд. 1911 г. Stuttgart, т X. стр 116.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В своей книжке «Психология и Марксизм» (М. 1924) я показал, что, если рефлексология отрицает реальность психического и в то же время стремится свести все психическое к физическому, то она неприемлема с идеологической точки зрения.

В настоящей книжке я хочу подвергнуть так называемую об'ективную психологию (рефлексологию и бихэвиоризм) критике с научной точки зрения.

Отвергая реальность сознания и вместе с этим и допустимость суб'ективного метода в психологии, русский читатель строит в своем уме такую психологию, которая, вместо явлений сознания изучает различные рефлексы при помощи об'ективного метода. Такой научной дисциплиной он предполагает заменить прежнюю психологию. Кроме того, он убежден, что такая научная дисциплина уже достаточно разработана и содержится в сочинениях Бехтерева и Павлова.

Я хочу показать, что в сочинениях Бехтерева и Павлова он не найдет того, что ищет[1]), ибо «об'ективная психология» или «рефлексология» Бехтерева есть не что иное, как прежняя психология с присоединением только лишь попытки сведения различных видов душевной жизни к рефлексам; а учение об условных рефлексах Павлова есть, по его собственному признанию, не что иное, как чистая физиология мозга. В качестве таковой она, конечно, не может замещать психологии.

В настоящее время все русские психологи делятся на два враждующие лагеря: на об'ективистов и на суб'ективи-

---

[1]) Чистая рефлексология только в недавнее время получила осуществление и то, разумеется, в форме проекта в соч. Ю Ф. Франкфурта. „Рефлексология и Марксизм". (Вышла в Сентябре 1924 г).

стов (интроспективистов). Одни считают, что единственно научным методом психологии является об'ективный; для других единственно возможным методом является суб'ективный. Непримиримость этих двух противоположных направлений в психологии происходит вследствие невыясненности понятий «об'ективный» и «суб'ективный» метод психологии [1]). Когда это будет сделано, то произойдет примирение двух противоположных направлений, подобно тому, как это уже происходит в Америке с психологией и бихэвиоризмом.

Рефлексология, в собственном смысле, есть только часть психологии, может существовать только при психологии, ни в коем случае не может претендовать на то, чтобы заменять психологию.

---

[1]) Было бы правильнее противополагать не „суб'ективный" и „об'ективный" метод, а „интроспективный" метод и „рефлексологический" В Америке вместо противоположения „суб'ективный" и „об'ективный" предлагают употреблять „Ментализм" и „Бихэвиоризм". (Об этом см. Moore. The Foundations of Psychology. 1921 г., стр. 33.).

ГЛАВА I.

„Рефлексология" В. М. Бехтерева.

В последнюю четверть столетия, вследствие различных влияний возник интерес к об'ективному методу изучения психических явлений, и не только у нас в России, но и в мировой науке.

Сначала об'ективный метод изучения пытались применять только в зоопсихологии; затем в России возникла об'ективная психология И. П. Павлова и Бехтерева; у последнего под именем «рефлексологии». Одновременно с этой последней в Америке возникло течение, под именем бихэвиоризма, или «психологии поведения», об'ективно изучающей реакции организма на влияние окружающей среды.

Основной мотив этого течения — сделать психологию естественно-научной дисциплиной, исключив изучение «психического», как чего-то такого, что не поддается более или менее точному измерению, которое натуралист вследствие этого совершенно исключает из своего ведения.

В настоящей книжке я намерен показать, что понятие об'ективной психологии есть понятие противоречивое и, в качестве такового, подлежит полному устранению.

Идея об'ективной психологии в России возникла в связи с изучением рефлексов. И. П. Павлов в совершенной полноте изучил процессы, которые он назвал «условными рефлексами». Одновременно с Павловым условные рефлексы под именем «сочетательных» подверг детальному исследованию В. М. Бехтерев. Разница между методами Павлова и Бехтерева заключается в том, что у Павлова изучаются такие рефлексы, в конечном результате которых получается истечение слюны, а у Бехтерева—сокращение каких-либо мышц.

На основании об'ективного изучения сочетательных рефлексов Бехтерев пришел к выводу, что предметом непосредственного изучения психологии следует считать рефлексы, которые подлежат об'ективному изучению. Такую психологию Бехтерев прежде называл об'ективной психологией, или психорефлексологией, в последнее время называет просто рефлексологией. Многие, следуя примеру Бехтерева, думают, что рефлексология, как дисциплина, пользующаяся точными об'ективными методами, должна всецело заменить собою психологию, пользующуюся суб'ективным методом исследования, или, как его прежде называли, интроспективным методом.

В настоящее время мы стоим перед альтернативой: «психология или рефлексология».

Я начну с изложения и оценки рефлексологии Бехтерева, потому что он дал наиболее подробное теоретическое обоснование сущности рефлексологии в отличие от психологии, которую он всегда называет «суб'ективной» психологией.

В течение почти 25 лет В. М. Бехтерев занимался всесторонним изучением природы рефлекса, сначала с точки зрения анатомофизиологической, а затем с точки зрения психофизиологической. Собран огромный материал, как им самим, так и его многочисленными учениками. Вполне естественно, что у него явилась потребность привести в «систему» весь собранный материал. Это и приняло у него форму сначала «об'ективной психологии», а затем «рефлексологии».

Я нахожу, что его система психологии страдает огромным недостатком, несмотря на то, что основная идея, положенная в основание системы, по моему мнению, совершенно правильна. Бехтерев чрезвычайно неудачно указал место в психологии своей бесспорно важной психологической идее. Сделал он это неудачно, потому что заменил ее другой идеей, которой придал первенствующее значение в то время, как она по существу совершенно неправильна.

Я считаю совершенно правильной мысль Бехтерева, что в основе душевной жизни лежит понятие реакции (он его предпочитает называть рефлексом). Нужно считать совершенно правильной также его попытку привести это в связь

с биологической точкой зрения. При этой точке зрения устраняется атомизм прежней психологии. Я лично очень сочувствую этой идее, и сам развивал ее в курсе «Психологии», читанном в Московском университете в 1908—1909 академическом году[1]).

К этой идее неотразимо шла вся научная психология последнего времени. Самыми яркими выразителями этой идеи являются Вундт и Фулье еще до 90-х годов прошлого столетия. Эту же идею Бехтерев проводит с такой неясностью, что она может быть уловлена только тем, кто сам держится того же взгляда.

Неясность же в изложении Бехтерева произошла вследствие того, что он, вместо того, чтобы сделать эту идею центральной, сделал центральной идеей метод психологии. Вследствие этого он сошел с биологической точки зрения на физиологическую. Отсюда получился ряд ошибок.

1) Он вместо вполне определенного биологического понятия реакции внес крайне неясное физиологическое понятие «рефлекса». Сначала он употреблял понятие «психорефлекса» и систему свою называл «психорефлексологией». Но впоследствии понятие психорефлекса он заменил понятием рефлекса и термин психорефлексологии заменил рефлексологией просто. Неизвестно, для чего это он сделал Весьма возможно, что его соблазнил термин «рефлекс» потому, что рефлекс, по обычному пониманию, есть процесс чисто механический, могущий изучаться об'ективным методом.

2) Отсюда возникло намерение строить психологию чисто об'ективным методом. Стремление создать чисто об'ективную психологию должно было естественным образом привести к попытке совершенного устранения интроспективной психологии и к неудачной попытке перевести все понятия интроспективной психологии на физиологические термины рефлексологии.

Для достижения своей основной идеи Бехтереву нужно было доказывать, что, действительно, каждый психический

---

[1]) Курс этот отлитографирован в 1909 году. См главу „О классификации душевных явлений". (Ч 1-ая, стр 165) Эта глава перепечатана в сборнике, посвященном Г. И Россолимо под заглавием. „Биологическая точка зрения в психологии".

процесс, какой бы он ни был сложности, может быть понимаем по схеме психофизической реакции. Для этого нужно было искать физиологический коррелат для всевозможных психических явлений в общих формах. Тогда он доказал бы свою основную идею о сводимости всех психических процессов к схеме реакции. Он поставил себе другую задачу. Так как он может вполне точно доказать, какие именно физиологические процессы соответствуют определенным психическим процессам, то изучением первых (как вполне точным) можно вполне заменить изучение вторых (как совсем не точное).

Следует, прежде всего, заметить, что, вообще, все изложение системы психологии Бехтерева крайне противоречиво и сбивчиво. Эти недостатки обусловливаются противоречивостью его философской точки зрения и неясным различением основных психологических категорий. Исходным пунктом Бехтерева является психофизический параллелизм и психофизический монизм, но при применении этого последнего он постоянно сбивается на отрицание реальности сознания.

Сначала Бехтерев стоял вполне определенно на точке зрения параллелистической. «Об'ективная психология, говорит он, имеет дело не с суб'ективными явлениями, а с теми процессами в мозгу, которым по гипотезе параллелизма неизменно сопутствуют так называемые психические явления»[1]). В 1917 году Бехтерев стал говорить иначе. «Вот почему нет основания более говорить о теории параллелизма. В вопросе о соотносительной деятельности мы стоим на точке зрения единого процесса в форме движения энергии», при котором внешние и внутренние или психические явления находятся в условиях взаимного замещения, но так, что сам процесс движения энергии по проводникам не прерывается ни в одном пункте и ни на одно мгновение[2]). На стр. 158 того же сочинения, хотя Бехтерев опять повторяет: «сочетательные рефлексы сопровождаются развитием суб'ективных состояний»; но затем несколькими строками ниже он говорит: «на место понятия духа, так часто еще

---

[1]) Задачи и метод об'ективной психологии 1909 г

[2]) Общая рефлексология, 1-ое изд., 142.

фигурирующего в суб'ективной психологии и философии, мы можем говорить об энергии, проявляющейся в виде нервного тока». Очевидно, по Бехтереву, что дух, что энергия— это одно и то же.

О какой же энергии говорит Бехтерев? Это понять очень трудно. Если он говорит о психической энергии, это одно, а если он думает о физической энергии, это совсем другое. «С точки зрения рефлексологии, та деятельность, благодаря которой устанавливаются различные формы взаимоотношения между организмом и окружающей средой, является результатом энергии психической, нервной, нервнопсихической или... молекулярной энергией живой протоплазмы. Внешним проявлением этой энергии... служит нервный ток». Из этих слов видно, что Бехтерев отождествляет психическую энергию с нервной. Это можно сделать только при условии, если не признавать никакой психической энергии. Ибо, если психическая энергия существует, то она должна быть абсолютно отличною от физической; а Бехтерев их просто отождествляет. Но, ведь, такое отождествление можно допустить только в том случае, если не признать абсолютного различия между психическим и физическим. Признает ли такое различие Бехтерев? Нужно думать, что признает, раз он не отрицает роли самонаблюдения в познании психической жизни.

Из этого читатель может видеть, насколько сбивчива его философская позиция. Ему нужно было твердо стоять на почве эмпирического параллелизма и психофизического монизма, т.-е. признать тождество психического и физического при абсолютном эмпирическом их различии. Этого можно было бы достигнуть при допущении двусторонности мозговых явлений. Мозговые явления, рассматриваемые с внутренней стороны, суть психические, а с внешней стороны—материальные. Примером противоречивости его философской системы является то обстоятельство, что внутреннюю сторону он приписывает даже неорганической природе во всем мировом пространстве[1]), но когда дело доходит до человека, то он начинает сомневаться, есть ли у него сознание. (Об этом см. ниже).

---

[1]) Осн. рефлексологии, 2-е изд. стр. VIII.

Чтобы оценить значение об'ективного метода психологии, нужно тщательно отграничить область дисциплин, связанных с психологией.

Психология просто или чистая психология имеет целью установление закономерных отношений между чисто душевными переживаниями. Эти последние становятся известными, только благодаря внутреннему опыту.

Предметом чистой физиологии мозга или нервной системы является изучение физико-химических процессов, совершающихся в последней: проводимость, электрические процессы, химические процессы ассимиляции, диссимиляции, процессы торможения, растормаживания, образования более легкой проводимости и т. п. Метод изучения этих явлений исключительно об'ективный.

Третья дисциплина, подлежащая нашему рассмотрению—это психофизиология. Ее задача изучить физиологию мозговых процессов постольку, поскольку они связаны с психическими процессами, именно, поскольку мозг является органом душевной жизни. Ощущение, восприятие, репродукция, ассоциация, речь и т. п., поскольку речь идет о нахождении для них определенного физиологического коррелата, суть предмет психофизиологии. Метод этой последней, само собою разумеется, смешанный[1]).

Сделавши такое разграничение трех различных областей, рассмотрим задачи об'ективной психологии по Бехтереву.

Бехтерев признает, что всякий психический процесс имеет две стороны: суб'ективную (сознание, ощущение, мышление) и об'ективную (нервный процесс); но при этом утверждает, что метод самонаблюдения для научных целей имеет второстепенное значение. «Об'ективная психология», говорит он[2]), признает действительность психических процессов, но, оставляя совершенно в стороне суб'ективную сторону этих процессов, она довольствуется изучением внешних проявлений нервнопсихической деятельности в соотношении их с теми воздействиями, которые служат причиной

[1]) При чем совершенно безразлично, будет ли психофизиологию разрабатывать психолог по специальности, или физиолог.

[2]) В. М. Бехтерев „Задачи и метод об'ективной психологии 1904 г. См. тоже „Об'ективная психология" 1912 г., и „Общие основания рефлексологии". 1918 г. Гл. I—III

их обнаружения». «Вполне законно допуская, что психические процессы, совершаясь в мозговой коре, представляют собою с об'ективной стороны ряд нервных возбуждений, передающихся по сочетательным волокнам с одного центра на другой, об'ективная психология стремится выяснить самый механизм так называемых психических процессов, как сложных нервных актов, предоставляя изучение об'ективной стороны этих процессов суб'ективной психологии».

Существенное значение для познания душевных процессов имеет внешнее выражение душевных переживаний (движений, кровообращений и т. п.). «Об'ективная психология», говорит В. М. Бехтерев, в отличие от суб'ективной, не нуждается в самоанализе испытуемого лица, а довольствуется лишь регистрацией внешних нервно-психических реакций организма, возникающих при определенных внешних воздействиях». Поэтому следует настаивать на исключении чисто психологических понятий из изучения душевной жизни. «Об'ективная психология не может и не должна пользоваться теми терминами суб'ективной психологии, в которых содержится определенное указание на суб'ективный характер внутренних переживаний, как: сознание, ощущение, чувство, представления, понятие, воля, внимание и т. п.».

Относительно суб'ективного метода, по мнению Бехтерева, вообще, нужно сказать, что область его применения чрезвычайно ограничена. Она может быть применяема только лишь к изучению душевной жизни взрослого. Что же касается изучения душевной жизни ребенка, животных, душевнобольных, то этот метод не может дать никаких плодотворных результатов. «В изучении детской психики мы не можем пользоваться ни непосредственным самонаблюдением, ни воспоминаниями из детского возраста, как это принято до сих пор еще в детской психологии».

Что же должно быть предметом исследования при изучении нервно-психической деятельности ребенка? На этот вопрос может быть только один ответ: «все, вообще, проявления этой деятельности в органах движения, кровообращения, дыхания, секреций, а частью при тех или других воздействиях на организм ребенка» [1]).

[1]) Задачи и метод об'ективной психологии.

Таким образом, об'ективный метод в психологии идет навстречу распространенному в настоящее время среди натуралистов взгляду, что при изучении душевных явлений не следует иметь дело с психическими явлениями, не допускающими точного вычисления или выражения в терминах движения и закона сохранения энергии. Руководясь этим, Бехтерев всю психологию сводит к учению о «рефлексах».

Для того, чтобы это утверждение Бехтерева было ясно, нужно разобрать, что понимает Бехтерев под рефлексом вообще и «сочетательным» рефлексом в частности.

«С точки зрения рефлексологии вся, вообще, соотносительная деятельность рассматривается, как ряд более или менее сложных рефлексов, или так называемых ответных реакций. Более простые из рефлексов, называемые нами обыкновенными рефлексами, являются прирожденными или унаследованными, тогда как в происхождении более сложных или высших, иначе сочетательных рефлексов участвует прошлый индивидуальный опыт[1]).

«Для пояснения сочетательного рефлекса возьмем пример: младенец в первый раз укалывается острым орудием в ручку и, естественно, ее отдергивает, отворачиваясь впервые от колющего орудия и заливаясь в то же время слезами. И то, и другое представляет собою обыкновенный рефлекс. Но в один из следующих разов, после полученного таким образом опыта, ребенок, встретившись с тем же или с таким же колющим орудием, еще завидя его издали, отводит от него свою ручку, отворачивает от него голову и начинает плакать. Здесь дело идет уже о сочетательном рефлексе, представляющем тот же обыкновенный рефлекс, воспроизведенный под влиянием одного лишь зрительного раздражения, которое раньше сочеталось с колющим раздражением и вследствие того сделалось рефлексовозбуждающим, чем ранее, до полученных уколов, оно не было»[2]).

Сочетательный рефлекс подвергся экспериментальному изучению со стороны Бехтерева следующим образом: «В виде основного раздражения, возбуждающего обыкновенный рефлекс, в нашей лаборатории, применяется раздражение

[1]) Об общих основах рефлексологии, как научной дисциплины. Жур. „Природа“ 1917 г., стр. 1103.

[2]) ib. 1105—6

электрическим током подошвы стопы, которое достигается особым специальным приспособлением. Самые опыты производятся таким образом, что незаметно от больного дается одновременное раздражение электрическим током подошвы стопы, вызывавшее обыкновенный рефлекс отдергивания стопы и разгибания пальцев ноги и то или иное световое или цветное раздражение сетчатки глаза. Обыкновенно уже после нескольких подобных опытов получается при действии одних световых или цветных раздражений оборонительный рефлекс, выражающийся отдергиванием стопы и разгибательным движением пальцев ноги, что представит нам искусственно воспитанный сочетательный рефлекс на зрительные (световые или цветные) раздражения».

Аналогичным способом мы можем получить искусственный сочетательный рефлекс на звуковые раздражения[1].

Теперь попытаемся разобрать, почему, по Бехтереву, изучение психических процессов должно сводиться к изучению рефлексов. Потому что, по мнению Бехтерева, нет в сущности ни одного «психического» процесса, который не подводился бы под схему рефлекса»[2]. Это нужно понимать следующим образом. Каждый психический процесс состоит из воздействия среды или раздражения и ответного движения. Получение раздражения и совершение движения— вот сущность самого элементарного психического процесса. Отсюда ясно, что все душевные явления, в том числе и интеллектуальные, могут быть сведены к схеме рефлексов, т.-е., другими словами, они суть рефлексы. «В конце концов, все эти акты (смотреть, слушать, ощупывать, говорить, поступать) суть не что иное, как различной сложности сочетательные рефлексы, возникшие на почве обыкновенных рефлексов, вызываемых сответствующими раздражениями воспринимающих органов»[3].

Все самые сложные психические явления суть не что иное, как сочетание рефлексов. Следовательно, изучение рефлексов есть в то же время изучение душевных явлений, в том числе высших. Рефлексы, как внешнее выражение душевных явлений могут быть изучаемы только об'ективно,

---

[1] Об'ективная психология, Вып III, стр. 339.

[2] Основы рефлекс. I изд., стр. 55.

[3] „Природа", стр. 1120.

и изучение их, вследствие этого, может противополагаться суб'ективному изучению психических явлений.

Здесь сразу же возникает следующее сомнение. О каком рефлексе идет речь у Бехтерева? По обычному пониманию, рефлекс есть чисто механический, бессознательный процесс. И сам Бехтерев, повидимому, так понимает рефлекс. Ведь, по его мнению, коленный сухожильный рефлекс есть основной рефлекс[1]). Если, действительно, под рефлексом понимать чисто механический процесс, то можно ли говорить о сведении психических процессов к таким рефлексам?

Таким образом, идея рефлексологии заключается в следующем. Явления сознания у других живых существ недоступны для непосредственного познания, и потому они и не могут быть предметом научного познания. Вместо явлений сознания должны быть изучаемы их внешние выражения. Вместо психологии получается наука о рефлексах— рефлексология.

Следует обратить внимание на то, что рефлексология не есть просто физиология, она все же есть психология, по собственному признанию Бехтерева. «Психический процесс и мозговой процесс неотделимы друг от друга, а потому, изучая мозговой процесс в его высших проявлениях, мы изучаем, вместе с тем, ход и развитие психического процесса»[2]). Строго об'ективный метод не вынуждает нас к тому, чтобы, вместе с тем, обращаться и к выяснению суб'ективных переживаний, а имеет в виду исключительно изучение внешних проявлений деятельности человека»[3]).

Но что нужно понимать под изучением «внешних проявлений» деятельности человека? Это, собственно, то, что обыкновенно называется «реакциями», и что Бехтерев называет рефлексами.

Но чем же отличается точка зрения рефлексологии от точки зрения прежней психологии? Эта последняя, изучая какие бы то ни было реакции, непременно пыталась в то же время изучать и соответствующие им психические состоя-

---

[1]) Об псих. вып. III, стр. 238.
[2]) Осн. рефл 1-ое изд., стр. 3.
[3]) Осн рефл 1-ое изд, стр. 14.

ния, рефлексология же принципиально отрицает необходимость изучения этих последних.

Бехтерев даже иногда почему-то называет такие суб'ективные состояния, как чувство, ощущения — метафизическими. Очевидно, «метафизический» в его глазах означает нереальный; во всяком случае, их реальность, если таковая за ними может быть признана, иная, чем реальность «внешних проявлений деятельности человека». «Рефлексология», говорит Бехтерев, исключает из сферы своего изучения такие суб'ективные состояния и даже метафизические понятия, как чувство, ощущение, представление, восприятие, внимание, память, воображение, воля и т. п.»[1]).

Для характеристики рефлексологии чрезвычайно важно определить, как она относится к вопросу о реальности сознания. У Бехтерева на эту тему мы находим самые разноречивые указания. С одной стороны, для него явления сознания, как мы только что видели, представляются чем-то метафизическим; с другой стороны, он, несомненно, признает их реальность. «С своей стороны, мы не думаем отрицать психическую реальность»...[2]). Но, с другой стороны, «психика есть духовное, т.-е. нечто такое, что неуловимо «для наблюдателя непосредственно»[3]). Нужно ли об'яснять Бехтереву, что основным свойством психического является, именно, непосредственность его восприятия во внутреннем опыте.

Рефлексология человека, по его словам, может достигать своей цели тремя путями:

1) Строго об'ективным изучением всех внешних проявлений личности и установления соотношения их с внешними же настоящими или прошлыми влияниями.

2) Исследованием закономерности развития соотносительной деятельности при разных условиях путем эксперимента.

3) Изучением соотношения между об'ективными процессами, лежащими в основе соотносительной деятельности

---

[1]) Общ. осн. рефл. 1-ое изд., стр. 71

[2]) Ib. 17.

[3]) Ib. 51.

и суб'ективными явлениями, открываемыми человеком на себе самом путем самонаблюдения»[1]).

Из приведенных мест ясно, что Бехтеревым реальность явлений сознания то совершенно не признается, то оказывается, что рефлексы каким-то образом должны приводиться в соотношение с суб'ективными явлениями, открываемыми человеком на себе самом путем самонаблюдения, и что это даже есть одна из основных целей самой рефлексологии.

Такое отношение Бехтерева к сознанию заставляет нас ближе рассмотреть, как смотрел Бехтерев на значение интроспективной психологии. «Об'ективная психология» ничуть не исключает «суб'ективной» психологии; она даже не ослабляет значения последней, как дисциплины, имеющей в виду изучить суб'ективную сторону нервнопсихических процессов; она ее только дополняет, выясняя нервнопсихический процесс с его об'ективной стороны, т.-е. со стороны происходящих при нем в мозгу нервных процессов. Иначе говоря, об'ективная психология—тот же самый психический или, точнее, нервнопсихический процесс, который служит предметом исследования современной нам психологии с суб'ективной его стороны, рассматривает под другим углом зрения, признавая его одновременно за процесс об'ективный или нервный, совершающийся в высших мозговых центрах. Об'ективная психология следит, собственно, за ходом этого нервного процесса от начала до конца, вовсе не интересуясь суб'ективными переживаниями, которыми он сопровождается[2]). Несколькими строками ниже Бехтерев «психические» процессы называет «нервнопсихическими».

«Рефлексология человека может и должна развиваться на ряду с суб'ективной психологией, при чем между ними не только нет и не должно быть антагонизма, а обе эти научные дисциплины, изучая один и тот же, в сущности, процесс, одна—более полно в его об'ективном проявлении, а другая—частично, в его суб'ективной форме, где он обна-

---

[1]) Ib 51.

[2]) Задачи и метод об'ективной психологии 1909, стр 26.

руживается путем самонаблюдения, должны взаимно дополнять друг друга [1]).

«Следует при этом иметь в виду, что рефлексология сама по себе ничуть не исключает суб'ективной психологии, как некоторые думают. Она только ограничивает область ее исследования, главным образом, возможно полным самоанализом на себе самом, как это уже и практикуется в последнее время так называемой Вюрцбургской школой» [2]).

Со всем этим рассуждением психолог-интроспективист вполне может согласиться. Но все же в нем есть очень значительная неясность, происходящая вследствие неясности принципиальной точки зрения Бехтерева.

В самом деле, рефлексология только дополняет психологию или ее цель заменять ее? Бехтерев постоянно говорит о том, что только дополняет, но часто действует так, как будто бы думал, что рефлексология может вполне заменять психологию. Он весьма часто говорит о совершенной непригодности суб'ективного метода и ставит себе в заслугу, что он его совершенно упразднил [3]).

Только что приведенное изложение привело к следующему популярному пониманию рефлексологии. Интроспективное изучение душевных процессов является суб'ективным в собственном смысле слова, т.-е. не научным. Термин «суб'ективный» рефлексологи обычно понимают не как эквивалентный «познаваемому из внутреннего опыта», а как противоположность об'ективно-научному, общеобязательному. Из такого понимания легко притти к выводу, что психология, как наука, даже существовать не может. Самая реальность психического подвергается сомнению. Рефлексология, по обычному пониманию, есть об'ективное изучение рефлексов, как определенных физиологических процессов. Таким образом, вместо психологии получается рефлексология, ибо все психическое сводится к рефлексам.

Только таким образом и может осуществиться мечта большой публики создать такую науку, которая чисто механически из одних рефлексов могла бы об'яснить весь ход душевной жизни.

---

[1]) „Природа“ 1128
[2]) „Природа 1110.
[3]) См. Коллективная рефлексология“. Вместо предисловия

Но может ли рефлексология Бехтерева удовлетворить в какой-либо мере эти надежды публики? Решительно утверждаю, что не может.

При оценке научного значения рефлексологии могут быть две различных точки зрения. С одной стороны, на рефлексологию, если под нею понимать изучение сочетательных рефлексов, можно смотреть, как на известный метод. С другой стороны, на нее можно смотреть, как на известную систему.

Различие между этими двумя точками зрения сводится к следующему. При изучении поведения животного или человека мы можем абстрагироваться от наличности сознания и изучать только физические процессы, сопровождающие его. Другими словами, можно изучать поведение так, как если бы явлений сознания не существовало. Это не значит, что мы не признаем реальности явлений сознания. Это значит только, что мы их игнорируем, мы действуем так, как если бы их не существовало. Разумеется, это возможно далеко не всегда. В большинстве случаев мы не можем иметь дела с тем или иным «поведением» без того, чтобы не примышлять к нему явлений сознания. Но для тех случаев, для которых возможно не примышлять сознания, законность рефлексологического метода можно считать совершенно обоснованной.

Совершенно иное представляет собою рефлексология, как система. Рефлексология же обыкновенно и понимается, как система. Из того обстоятельства, что явления сознания у чужого индивидуума не доступны для нашего непосредственного познания и вследствие того, что у нас, повидимому, нет критерия для доказательства реальности сознания вообще, некоторые рефлексологи просто утверждают, что сознание не реально. Такое утверждение приводит к совершенно явственному абсурду.

Аргумент относительно невозможности доказать реальность явлений сознания при помощи критериев, напоминающих реальность физических явлений, опровергается указанием на то, что в таком отыскании критерия реальности сознания мы и не нуждаемся. В реальности чужого сознания мы убеждаемся при помощи иных аргументов и нужно думать, что именно при помощи умозаключения по

аналогии. Раз нет достаточных оснований для отрицания реальности сознания у других существ, то явления сознания сами по себе должны быть предметом научного изучения.

Таким образом, мы можем признать рефлексологию, как метод, по крайней мере, в определенных пределах и совершенно отвергнуть ее как систему. Но рефлексология, и как метод, возможна только в некотором условном смысле. Вернее сказать, рефлексология в собственном смысле слова, именно, как наука о физической стороне рефлексов возможна только для ограниченного класса рефлексов.

Если признать рефлексологию, как метод, то ее следует проводить последовательно и изучать физические явления сами по себе, без какого бы то ни было отношения к психическим явлениям. Но этого сделать нельзя. Нельзя говорить о «поведении» человека, о его действиях, без того, чтобы в то же время не думать о соответствующих им психических переживаниях. Нельзя говорить о каком-либо органе чувств, обозначать его каким-либо особым термином, вроде, «анализатор» или «рецептор» и не думать в то же время о каком-либо психическом процессе, например, о «видении», «слышании» и т. п.

В этом смысле не может быть речи о чистой рефлексологии. В таком случае, вообще, отпадает всякий смысл толковать о чисто рефлексологическом об'ективном методе.

Еще более абсурдно положение рефлексологии в том случае, когда она пытается заменить собою психологию. Когда утверждается, что мысль есть речевые движения, что эмоция сводится к определенным рефлективным движениям, то на это следует заметить, что мысль есть нечто большее, чем речевые движения, и эмоция есть нечто большее, чем рефлективные движения. Если сказать, что в большинстве случаев «рефлекс» есть «психорефлекс», то нужно будет признать, что в таком случае для познаний, мыслей и эмоций должен быть свой собственный источник, как это и признает на самом деле Бехтерев, когда допускает параллелизм явлений сознания и материальных явлений. Признание же тождества мысли и движения с эмпирической точки зрения недопустимо, потому что не только сложные, но даже самые простые душевные явления не

могут быть выражены в терминах рефлексов. Доказательством этому является то обстоятельство, что, например, Бехтерев в своей «Коллективной рефлексологии» по заданию должен был бы говорить только о «рефлексах», между тем, он говорит почти исключительно о психических процессах, и именно постольку, поскольку они известны из внутреннего опыта[1]).

Если рефлексология отвергает внутренний опыт, как источник непосредственного познания душевных явлений, то вместе с этим исчезает возможность изучения очень многих душевных явлений через посредство внутреннего опыта, например, высшие мыслительные процессы, явления сновидений, явления, изучаемые при помощи психоаналитического метода; все они доставляют очень ценный материал, но только через посредство внутреннего опыта. В самом деле, как мог бы рефлексолог проследить ход сновидений без помощи высказываний относительно внутренних переживаний. Из «поведения» ничего нельзя судить о сновидениях, как равным образом нельзя ничего судить о высших умственных процессах на основании поведения. Об'ективный метод рефлексологов ничего не может дать для психических переживаний высшего порядка.

Признает ли рефлексология самонаблюдение?

Мы можем опрашивать тех или других лиц о их переживаниях. Их высказывание мы назовем «показаниями самонаблюдения». Содержанием этих показаний должны являться известные переживания или суб'ективные состояния. Но как мог бы отнестись Бехтерев к таким показаниям самонаблюдения? Казалось бы должен признать их закономерность. На самом деле, он вместо прямого ответа на этот вопрос делает попытку свести к рефлексам показания самонаблюдения? «Как упомянуто выше, говорит он[2]), и речь входит в область исследования рефлексологии, а, между тем, как известно, при посредстве речи человек передает о своих суб'ективных переживаниях. Поэтому пользование речью при рефлексологическом исследовании может быть истолковано, как противоречие об'ективному исследованию. Однако, нельзя забывать, что речь есть в то же

[1]) Об этом см. ниже.
[2]) „Природа" 1108.

время настоящий сочетательный рефлекс... и потому она не может быть исключаема из порядка сочетательных рефлексов».

Пусть речь будет, действительно, сочетательный рефлекс, все же содержание речи будет являться определенным суб'ективным состоянием. Следовательно, пользование речевыми рефлексами необходимо приводит к пользованию суб'ективным методом.

Интроспективная психология по самому существу своему может пользоваться исключительно суб'ективным методом, об'ективный же метод, по мнению Бехтерева, для нее совершенно недоступен. Такое понимание методов психологии нужно считать решительным недоразумением. Психология не только в своем изучении никогда не избегала так называемого об'ективного метода, но и принципиально всегда его признавала. Самый термин «об'ективное» изучение душевных явлений был введен очень давно. Им пользовался в 50-х годах Г. Спенсер[1]) и Ф. А. Ланге в 70-х годах признавал необходимость об'ективного метода[2]). Содержание об'ективной психологии очень определенно указывается, например, в книге Bastian,a The Brain as an organ of, Mind вышедшей в 1882 году[3]).

Следует признать, таким образом, что этот термин был совершенно популярным уже до 1900 года. Под «об'ективным» методом понималось психологическое познание при помощи наблюдения душевной жизни детей, животных, душевнобольных и т. п. Если этот метод психологии обыкновенно называется исключительно суб'ективным, то это нужно понимать таким образом, что психические процессы являются предметом непосредственного познания во внутреннем опыте, но они могут быть, как только что указано, быть предметом и изучения об'ективного. Если же не смотря на пользование об'ективным материалом, метод психологии называется все-таки суб'ективным, то это нужно понимать таким образом, что об'ективный материал интерпретируется

---

[1]) Основания Психологии т. I. § 56

[2]) История Материализма, т. II, 1883, стр 342

[3]) Содержание об'ективной психологии по Bastian'у сводится: 1) К изучению суб'ективных состояний других человеческих существ. 2) К исследованию предполагаемых суб'ективных состояний низших животных, как выводимых из выразительных движений, действий. и т. п

в суб'ективном опыте, т.-е. становится понятным только благодаря интроспекции[1]). В этом смысле весь материал об'ективной рефлексологии может быть включен в психологию.

Для того, чтобы показать, что рефлексология пользуется строго об'ективным методом изучения душевных явлений, Бехтерев относит в область рефлексологии и те виды экспериментально-психологических исследований, в которых получаются результаты, могущие рассматриваться об'ективно. Мысль Бехтерева нужно понимать таким образом, что если в эксперименте получаются какие-нибудь результаты, то эти последние суть именно результаты «поведения» и потому они могут изучаться об'ективно. Если бы согласиться в этом с Бехтеревым, то нужно было бы признать, что рефлексология совершенно излишня, потому что вся экспериментальная психология делала то, что теперь, по мнению Бехтерева, должно входить в область рефлексологии[2]). Измерение памяти, измерение времени реакции, измерение порога раздражения, измерение внимания суть эксперименты, в которых получаются определенные продукты, например, в памяти количество заученного, в реакции—большая или меньшая длительность реакции и т. п. Эти продукты, несомненно, представляют материал для об'ективного изучения. Из этого ясно, что психология уже раньше изучала то, что рефлексология ставит своей задачей. Если так, то некоторая весьма значительная часть рефлексологии Бехтерева отходит в область психологии просто.

Зависимость рефлексологии от психологии становится понятной и с другой стороны. Может ли рефлексология

---

[1]) Это об'яснено было мною в элементарном учебнике психологии в 1906 году. Насколько этот термин в его правильном понимании был давно популярен, показывает следующий пример. В журнале Revue Philosophique за 1900 год (майская книжка) помещена статья Gerard Varet под заглавием „La psychologie objective", которая начинается следующими словами:" Как показывает самое название, об'ективная психология прилагается к наблюдению других людей. Она отличается от психологии суб'ективной или интроспективной, которая пользуется внутренним наблюдением, следовательно непосредственным, между тем, как она, изучая факты сознания по их внешним признакам, пользуется непрямым наблюдением. Если эти термины понимать в строгом смысле, то одна психология такая же старая, как и другая". (стр. 492).

[2]) Рефлексология 1-ое изд. Гл. XVIII.

при изучении рефлексов низших и высших избежать употребления чисто психологических понятий? Как только рефлекс получает какое-либо обозначение, то тотчас же примышление психических процессов неизбежно. Если рефлексолог употребляет такие термины, как «оборонительный», «наступательный» рефлекс, то совершенно, очевидно, что понятие наступления или обороны предполагает некоторые вполне определенные психологические понятия.

Если рефлексологу приходится говорить о «мышлении», «воображении» и «умозаключении», то он должен ограничиваться только утверждением, что этим процессам соответствуют какие-то неведомые рефлексы, каковое утверждение абсолютно ничего не прибавляет к нашему знанию самых процессов мышления.

В самом деле стоит подробно остановиться на рассмотрении того, как Бехтерев трактует высшие умственные процессы для того, чтобы убедиться в полном бессилии рефлексологии. Говоря об этих процессах, Бехтерев не исследует самих этих процессов, а пытается отыскать только физиологический коррелат в форме каких-либо рефлексов. «То, что мы называем мышлением, в сущности есть ряд задержанных рефлексов, преимущественно речевого порядка, связанных друг с другом в известной последовательности. Чтобы обнаружить эти рефлексы, достаточно устранить внутреннее торможение и предложить человеку высказывать свои мысли вслух, и тогда мы будем слышать слова, одно за другим в той последовательности, с которой они при данных условиях сочетаются друг с другом»[1].

Из этого места читатель узнает, что мышление по Бехтереву есть «задержанный рефлекс», который при известных условиях может превратиться в слова.

Неужели Бехтерев думает, что если он признал, что «мысль есть тот же высший или сочетательный рефлекс, только рефлекс задержанный»[2], что он, действительно, об'яснил мыслительный процесс, как это он на самом деле утверждает. «Итак, очевидно, говорит он, что и субъективные явления в своей природе могут быть понимаемы не иначе, как с привлечением к их об'яснению рефлек-

[1] Об'ективная психология, вып. III, стр. 364.
[2] Общ. осн. рефлексологии, 1-ое изд., стр. 142.

сов, что дает опору для установления тесной внутренней связи этих явлений с об'ективно протекающими мозговыми процессами»[1]).

Можно решительно утверждать, что мысль, как таковая, совершенно не получает об'яснения оттого, что Бехтерев привел ее в зависимость от каких-то рефлексов. То, что делает Бехтерев есть отыскание физиологического коррелата мышления, подтверждающего то общее положение, что все психические процессы находятся в зависимости от физиологических процессов, но сам процесс мысли не получает никакого об'яснения. Пусть даже Бехтерев этим докажет, что мыслительный процесс, по существу, является тождественным с процессом реакции—мысль, как мысль от этого не становится яснее.

По поводу работ Вюрцбургской лаборатории Бехтерев говорит следующее: «наконец, какими бы суб'ективные процессы не оказались на самом деле, вопрос лишь в том, могут ли они признаваться процессами, не имеющими отношения к пробегающему в нервной ткани нервному току или же и они стоят в соотношении с этим процессом мозга, сопровождающимся, как нам известно из физиологии, током действия. Если нельзя исключить их соотношения с нервным током, то мы и их вправе рассматривать с об'ективной точки зрения высшими рефлексами... А если это так, то теория высших или сочетательных рефлексов дает и здесь возможность установить тесное соотношение между упомянутыми суб'ективными проявлениями и об'ективными процессами мозговой деятельности»[2]).

Бехтерев должен согласиться с тем, что какое бы тесное соотношение между суб'ективными проявлениями и об'ективными процессами мозговой деятельности он не устанавливал, это отнюдь не есть об'яснение механизма мышления, которое может быть дано только психологией. Психология, действительно, может раскрыть механизм, ход и состав психического процесса, а рефлексология может только лишь указать физиологический коррелат в самом общем виде.

---

[1]) Ib. 143
[2]) Ib. 140.

Насколько Бехтерев далек от определенного разграничения областей психологии и рефлексологии и насколько он отрицательно относится к чисто психологическому методу, показывает следующее место. Бехтерев делает выписку из исследований процессов мышления Вюрцбургской лаборатории и дает им следующую оценку: «Нет надобности, конечно, итти за автором в те психологические дебри, с которыми связано вышеозначенное понимание явлений, но мы заметим здесь, что и результат этих исследований на счет новых явлений сознания, как и результаты исследований других представителей суб'ективной психологии со спиритуалистическим направлением, могут быть согласованы со схемой мозговых или сочетательных рефлексов»[1]). Бехтерев, очевидно, думает, что возможность согласования со схемой сочетательных рефлексов есть об'яснение психических процессов мышления и этим об'яснением надеется заменить интроспективное изучение мыслительных процессов, которое он называет «психологическими дебрями», при чем психологов клеймит названием «спиритуалисты» за то, что они пользуются внутренним опытом.

Как я сказал выше, бессилие рефлексологии обнаруживается всякий раз, как она подходит к высшим процессам.

Посмотрим, например, как об'ясняет Бехтерев процесс творчества. «В связи с сочетательными процессами стоит и та умственная деятельность, которая известна под названием творчества. Под этим названием понимается деятельность нервных центров, при которой, на основании прежних сочетаний, возникают новые сочетательные процессы. С точки зрения об'ективной психологии творчество представляет собою результат сочетательной деятельности, при чем в одних случаях из цепи воспитанных или образовавшихся сочетательных рефлексов выпадают, вследствие торможения, посредствующие звенья, благодаря чему в ближайшем сочетании остаются два крайние звена»[2]). Из какой об'ективной рефлексологии Бехтереву известно, что одни звенья рефлексов «выпадают», а другие остаются? Очевидно, в этом случае Бехтерев то, что знал из суб'ективной психологии, просто перевел на язык

[1]) Ib 148—9.
[2]) Об'ективн. псих., вып. III, стр. 368.

об'ективной психологии, а читателю предлагается просто верить, что, действительно, об'ективно какие-то звенья выпадают, а какие-то остаются. Такой же перенос из суб'ективной психологии в об'ективную производится им и по отношению к понятию «символизма», играющего такую значительную роль в его рефлексологии. Вот что говорит Бехтерев: «Под этим законом (символизма) понимаются те формы соотносительной деятельности, когда один какой-нибудь часто даже несущественный, а иногда и крайне преображенный признак или часть предмета, явления или вообще действия и движения становится знаком или символом, вызывающим реакцию, равнозначную с реакцией, вызываемой цельным предметом, явлением, действием или движением. Так ребенка пугают уже два пальца приближающейся к нему руки, выставленные на подобие рогов и символирующие бодание»[1]). Первая половина этой тирады выраженная в об'ективных терминах, совершенно непонятна, и становится понятной только благодаря второй половине, выраженной в психологических терминах.

Бехтерев часто употребляет термин «рефлекс» в таких случаях, когда для этого нет никаких оснований. «Нечего говорить, что целенаправляющий рефлекс представляется более сложным по сравнению с иными сочетательными рефлексами, ибо в нем мы видим соподчиненную связь целого ряда сочетательных рефлексов, направленную для достижения определенной цели»[2]). Целенаправляющая деятельность мне очень хорошо знакома из моего внутреннего опыта, я готов допустить, что ей соответствует какая-нибудь «соподчиненная связь целого ряда сочетательных рефлексов», но утверждаю, что мое знание о целенаправляющей деятельности ни малейшим образом этим допущением не расширяется.

Обратим внимание на рефлексологическое толкование понятия «я», которое дает Бехтерев. Вместо обычных описаний представления о «я», которое дается в психологии и которое Бехтерев считает «метафизическим», он в своей рефлексологии дает «вполне точное данное». «На место духа, говорит он, теперь должен быть поставлен механизм мозго-

[1]) Осн. рефлексол., 1917, стр. 161
[2]) Ib, стр. 69.

вых рефлексов, на место «я» центральный комплекс этих рефлексов»[1]). «Всю совокупность органических и социальных рефлексов можно назвать личным комплексом, в связи с которым стоят, как прямое следствие их оживления, личные рефлексы, соответствующие в суб'ективной психологии волевым движениям»[2]). «Личный комплекс сочетательных рефлексов служит основанием для тех отправлений, которые в суб'ективных понятиях получают название познавательных (познающее «я»)[3]).

Предоставляю читателю судить самому, насколько «центральный комплекс рефлексов» является точно данной величиной.

Как Бехтерев об'ясняет процесс суждения рефлексологически? Кроме рефлексов Бехтерев употребляет понятие «следов», затем вводит еще понятие «зависимого сочетания рефлексов» и тогда для него становится возможным об'яснение процесса суждения. «Процесс оживления, говорит он, основан, главным образом, на сочетании следов»... «Когда течение и смена следов связаны вышеуказанной руководящей зависимостью, то мы называем ее зависимым сочетанием, одну из форм которого собственно и представляет так называемое суждение». «Увидя скачущего зверька, человек убеждается, что этот зверек заяц. Таким образом, создается зависимое сочетание «заяц» и «скакание». Поэтому в другой раз при виде подобным же образом скачущего зверька оживляется след от зайца и возбуждается словесная двигательная реакция «зайца». В этих суждениях дело идет, следовательно, о процессах того же рода, как и при всякой сочетательной деятельности с тем лишь различием, что последняя здесь направляется определенным образом личной сферой в смысле зависимости одного следа от другого»[4]).

Что в суждении наше «я» направляет ход представлений, это, несомненно, но Бехтерев хочет этот факт перевести на совершенно непонятный язык об'ективной психологии, ибо, как понять то, что одни рефлексы напра-

---

[1]) Ib, 155.
[2]) Ib, 156.
[3]) Ib, 157.
[4]) Об'ект. психол. III, 368,

вляют другие рефлексы. Прибавляется ли к нашим знаниям что-нибудь, если мы произнесем совершенно непонятную фразу из об'ективной психологии?

Какое значение имеет рефлексология для психологии? Та область, которую она изучает (именно сочетательные рефлексы) и составляет ее собственную область, есть процесс образования привычных движений, вернее, привычек или того, что в психологии называется ассоциацией, при чем рефлексология в отличие от психологии обращает преимущественное внимание на физиологические условия образования привычек. Следует признать, что результаты, получаемые ею, являются очень ценными для психологии, однако, никак нельзя признать, что она вводит в психологию что-либо принципиально новое. Попытки открыть физиологические основы образования привычек и в прежней психологии имели место неоднократно.

Что единственная область рефлексологии—это процесс образования привычек, делается ясным из того, что она становится совершенно бессильной, как только дело доходит до высших душевных процессов. Высшие процессы, как, например, речь, символизм, суждение, творчество и т. п. в изложении Бехтерева вовсе не есть рефлексология, а представляют собою позаимствования из прежней психологии. Невозможность для рефлексологии изучения высших процессов в особенности отчетливо сказалось в построении «Коллективной рефлексологии». По замыслу эта научная дисциплина должна заменить прежнюю социальную психологию. В действительности же в этой коллективной рефлексологии никакой рефлексологии не содержится, потому что при описании явлений социально-психологических он повсюду употребляет исключительно психологические термины. Приведу наудачу несколько примеров. Следующие понятия имеют исключительно суб'ективно-психологический характер: «Солидарность интересов» [1]), «подражание» [2]), «взаимовнушение» [3]), «настроение» [4]), «потребно-

---

[1]) Кол. рефл., 104
[2]) Ib, 105
[3]) Ib. 112.
[4]) Ib 132.

сти»[5]), «обсуждение», «ответственность», «ожидаемый», «решение»[6]), «тревога», «иллюзия», «галлюцинация»[7]) и т. п.

Почему эта книга называется рефлексологией, понять решительно невозможно.

Таким образом, нетрудно видеть, что, собственно, рефлексологии, как особенной научной дисциплины, нет, что некоторая незначительная часть ее представляет обычного типа физиологическое об'яснение, а все остальное, что вводится Бехтеревым в рефлексологию, есть не что иное, как психология, потому что, как мы видели, провести границу между суб'ективным и об'ективным материалом в психологии не представляется возможным.

Рефлексология Бехтерева претендует на то, чтобы привести свои законы в согласие с общими законами мира и с законом сохранения энергии. Рефлексология, по словам Бехтерева, имеет дело с непосредственным изучением энергии, так как и психическая жизнь есть не что иное, как проявление энергии. В рефлексах, по его мнению, есть несомненная аналогия с механическими процессами. В рефлексах имеют применение «принцип тяготения», «принцип отталкивания», «принцип экономии» и т. п. В этом, между прочим, рефлексология видит об'ективный характер своего изучения.

Но можно решительно утверждать, что между психическими процессами «сближения» и «отвращения» и физическими процессами «притяжения» и «отталкивания» решительно никакой аналогии нет. То же самое нужно сказать обо всех сближениях с механикой, которые проводит Бехтерев в «Общей рефлексологии» и в «Коллективной рефлексологии».

Есть ли какие-либо основания для того, чтобы выделять рефлексологию в отдельную научную дисциплину?

Чтобы быть отдельной научной дисциплиной нужно иметь или 1) предмет специфически отличный от других наук (например, зоология, физика) или 2) обнимать большой отдел какой-нибудь уже существующей науки, но при этом иметь специфически отличный предмет, напр., в области химии, «физическая химия», «агрономическая химия» и т. п.

---

5) Ib. 149.
6) Ib. 179 7) и т. д.

Ни тому, ни другому условию рефлексология не удовлетворяет.

Если мы примем во внимание вышеприведенную схему, то спрашивается, к какой из трех областей следует отнести рефлексологию? Несомненно, к психофизиологии. Она изучает физиологические условия порождения привычек, ассоциаций, устанавливания привычных движений. Так как при этом изучении те элементы, между которыми происходит об'единение, приходится обозначать психологическими терминами, то ясно, что при изучении рефлексов одновременно рассматривается и суб'ективная и об'ективная сторона процесса.

Квалификация нервных процессов при помощи психологических терминов в некоторых случаях является неизбежной. Когда рефлексологи утверждают, что они изучают только об'ективную сторону процесса, то это может быть справедливо только лишь по отношению к простейшим рефлексам. Если же рефлексологи утверждают, что они то же делают при всех рефлексах, в том числе и волевых движениях, которые они тоже считают рефлексами, то это последнее утверждение нужно считать решительно неправильным. Если и признать, что волевые движения могут быть подведены под схему рефлекса, тем не менее, назвать их просто рефлексами нельзя по той причине, что в них есть внутренняя сторона, которая имеет весьма существенное значение для характеристики самого процесса.

Поэтому нужно признать совершенно необоснованным внесение в область рефлексологии всех тех процессов, которые представляют собою больше, чем просто образование привычных движений.

Если так, то ясно, что рефлексология занимает очень скромное место в обширной области психологии. Она есть психофизиология привычных движений. В качестве таковой, если она и может выступать в виде отдельной дисциплины, то, во всяком случае, без права расширять свое содержание. Тогда она перестает быть дисциплиной, могущей претендовать на замещение собой целой психологии. Для этого она слишком ограничена в своем содержании.

ГЛАВА II.

Учение об условных рефлексах академика И. П. Павлова.

Если рефлексология Бехтерева имеет, по преимуществу, психофизиологический характер, то учение об условных рефлексах Павлова больше приближается к чистой физиологии. Если Бехтерев хочет сделать психологию об'ективной, то Павлов хочет изучение высшей нервной деятельности сделать об'ективным. Несмотря на такое внешнее различие, они солидарны в том, что:

1) Пытаются свести всю душевную жизнь к рефлексам.

2) Они считают об'ективный метод изучения душевных явлений несравненно более точным, чем интроспективный.

3) Считают возможным заменить психологию учением о рефлексах [1]).

В методе Павлова, как я сказал, речь идет не об об'ективной психологии собственно, а об об'ективном методе изучения мозговой деятельности. Старые физиологи, когда нужно было изучать деятельность мозга, обыкновенно заимствовали из психологии различные психологические понятия и вносили их в физиологию, а так как эти понятия часто были ложны, то ложное психологическое учение переносилось на учение о мозговой деятельности. Это ошибочное применение психологии было замечено давно, и возник вопрос, следует ли, вообще, пользоваться психологическими понятиями при изучении мозговой деятельности. Павлов поставил цель приступать к исследованию мозговой деятельности без каких бы то ни было психологических понятий.

---

[1]) Весь материал его исследований содержится в сборнике „Двадцатилетний опыт об'ективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. 1923.

Изучение мозговых процессов по методу Павлова заключается в следующем. Если собаке попадает в рот пища, то из слюнной железы ее выделяется слюна, которая протекает в полость рта. Для цели эксперимента важно знать, выделяется ли в том или другом случае слюна, и в каком именно количестве. Для определения этого в слюнном протоке хирургическим путем делается отверстие, в которое вставляется трубка с мензуркой. Благодаря этой трубке, слюна, выделяющаяся у собаки, по той или иной причине, попадает не в полость рта, а в мензурку. Если мы при таком приспособлении положим в рот собаке пищу, то от раздражения слизистой оболочки рта слюна выделяется. Это явление есть рефлекс, который Павлов называет безусловным. Но можно получить рефлекс иного рода, если во время кормления собаки заставить, например, звучать камертон и повторить этот эксперимент в течение ряда дней много раз (например, 200), то в результате окажется, что у собаки без принятия пищи, при одном звучании камертона, будет выделяться слюна. Это будет, по мнению Павлова, тоже рефлекс, который в отличие от рефлекса первого рода был назван им условным рефлексом. С процессом кормления можно связать любое раздражение: можно, например, зажигать лампочку, или же показывать поверхность какого-либо цвета и т. п. Тогда между этими раздражениями и выделением слюны устанавливается связь, которая порождает условный рефлекс: именно, при действии этих раздражений без приема пищи выделяется слюна. Благодаря мензурке, можно определить количество выделяемой слюны с точностью до одной капли. Если рефлекс сильный, то выделение происходит более обильное. Если рефлекс слабый, то число капель в мензурке окажется меньше. «Усиление» рефлексов, их «торможение» и т. п. можно отметить по количеству выделившейся слюны в мензурке.

Процесс условного рефлекса с его физиологической стороны можно изобразить при помощи следующей схемы [1]). В простом слюнном рефлексе возбуждение от концевого аппарата, раздражаемого органа идет к слюнному центру, а оттуда к слюнней железе. В условном рефлексе на

[1]) См рис. на стр. 35.

звуковое раздражение возбуждение идет к слуховому центру, а затем, вместо того, чтобы итти к моторному центру, а оттуда к какому-нибудь движущему аппарату, идет к

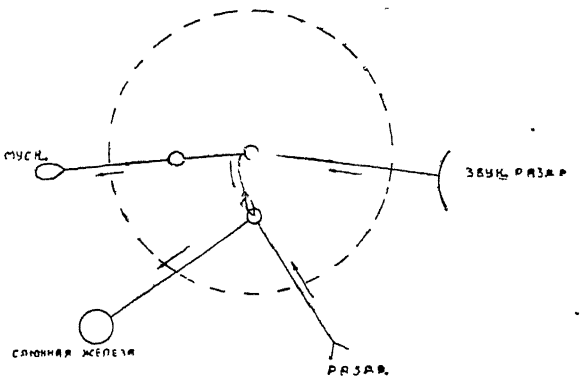

Схема условного рефлекса.

слюнному центру, оттуда к слюнной железе и производит выделение слюны.

Как об'ясняется механизм этого рефлекса?

Это есть условный рефлекс, который получается вследствие того, что установилась связь между слуховым и слюнным центром.

При помощи вышеуказанных приемов можно установить связь между любым центром (зрительным, слуховым, осязательным и т. п.) и слюнным.

Рефлекс может усиливаться, может ослабляться и доходить до полного уничтожения. Вот пример уничтожения рефлекса. Вышеуказанным способом устанавливается связь между слуховым центром и слюнным. Когда раздается звук камертона, и собака начинает выделять слюну, вдруг собака слышит, что на крыше кто-то скребет. Моментально у собаки прекращается выделение слюны. Отчего это происходит? Тут причиной могут быть психические процессы: может быть, собака испугалась, вследствие этого получилось отклонение внимания, явилась какая-либо эмоция. По мнению Павлова, этих об'яснений следует избегать. Следует отметить, что в этом случае кроме основного раздражителя, появился побочный раздражитель, производящий то, что рефлекс угасает. Приведем еще при-

мер ослабления или потухания рефлекса. Когда собаку выдрессировали к слюнотечению, при помощи раздражения камертоном, заставляют звучать камертон. Собака начинает выделять слюну. Опыт в таком же виде повторяется через несколько минут. Опять получается слюнотечение. При повторении в третий и в четвертый раз слюны становится все меньше и меньше, а потом слюнотечение и совсем прекращается. Отчего же собака перестала выделять слюну? Можно подумать, что это происходит оттого, что если собаку не кормят, а только заставляют звучать камертон, то она не желает даром терять слюну. Но это об'яснение, по мнению Павлова, было бы неправильно, так как вводить в об'яснение какие-либо психические элементы недопустимо.

Но как следует представлять себе физиологически возникновение условных рефлексов? Возникновение путей рефлекса получается следующим образом. Возбуждение от звучания камертона соединяется с выделением слюнной железы. Это происходит потому, что между слуховым центром и слюнным установилась связь физическая, физиологическая. Вследствие этой связи возбуждение от слухового центра идет к слюнному центру и происходит выделение слюны. Вначале было нормальное выделение слюны, потом ее стало меньше и меньше, и, наконец, совсем перестало происходить выделение слюны. Рефлекс потух; произошло торможение рефлекса, угасание его. Но можно ли сказать, что рефлекс исчез окончательно? Через некоторое время он может возобновиться, и, именно, при следующих условиях. На следующий день можно произвести тот же эксперимент вновь, и рефлекс вновь может возобновиться. Значит, рефлекс не уничтожился, он был только заторможен. Но нельзя ли в тот же день, когда рефлекс был заторможен, сделать так, чтобы растормозить рефлекс? Этого можно достигнуть новым кормлением собаки при звучании камертона. Рефлекс опять возобновится. Это возобновление рефлекса, когда торможение уничтожено, называется у Павлова растормо-жением рефлекса. Усиление рефлексов может быть произведено следующим образом. Если, например, какие-нибудь зрительные раздражения вызывают какой-либо условный рефлекс, то можно произвести то, что и звуковые раздражения станут вызывать тот же рефлекс, а главным образом,

кожные и электрические раздражения. Теперь, если одновременно заставить действовать раздражения и глаза, и уха, и кожи, то рефлекс усилится. Об этом можно судить по количеству капель слюны.

При помощи изучения условных рефлексов, можно было убедиться в том, что собака обладает способностью очень тонкого различения звуков, как выражается Павлов. Убедиться в этом можно следующим образом. Будем при помощи камертона издавать какой-нибудь тон, например, в 100 колебаний, и будем в это время кормить собаку. Когда мы это проделаем раз двести, то у собаки установится между ее кормлением и между звуком некоторая связь. Теперь, если без кормления камертон в 100 колебаний будет звучать, то у собаки будет появляться слюна, как показатель, что в данном случае есть условный рефлекс. Но что будет, если мы после такой дрессировки возьмем камертон в 80 колебаний. Будет собака отвечать на это раздражение, или не будет? На самом деле, на 80 колебаний она отвечает выделением меньшего количества слюны. Теперь задача в том, чтобы приучить собаку совсем не отвечать на такие звуки, которые можно назвать побочными. Достигается это следующим образом. Когда производится тон в 100 колебаний, тогда собаку кормят, а когда звучит камертон в 80 колебаний, или 1.000—не кормят. Благодаря такому выделению раздражений, у собаки устанавливается твердая привычка отвечать только на 100 колебаний. И вот мы имеем возможность при таких условиях заставить собаку отличать один тон от другого, т.-е. отвечать только на определенный тон. Тонкость различения у собак бывает так велика, что, когда звучит камертон в 100 колебаний, собака реагирует, когда 108—не реагирует, когда 94—не реагирует. Из этого совершенно ясно, что собака различает тон, отличающийся от другого только на 6 колебаний. Это для нас чрезвычайно существенно. Если, далее, взять, например, электрическое раздражение на каком-нибудь месте кожи, собака реагирует, затем, если мы тот же самый раздражитель перенесем на расстояние всего-на-всего на один сантиметр, собака больше не реагирует. Сила раздражения остается той же самой, в способе раздражения разницы, повидимому, никакой не существует; однако, собака на одно

раздражение отвечает, а на другое не отвечает. Значит, собака различает одно раздражение от другого, мало от него отличающееся.

Рассмотрим об'яснение Павлова относительно устанавливания условных рефлексов. При изучении условного рефлекса по методу Павлова мы непосредственно имеем дело с анализатором и с продуктами деятельности слюнной железы. С процессами же, которые совершаются между этими, так сказать, внешними пунктами условного рефлекса (устанавливание связи, торможение, растормаживание) мы непосредственно дела не имеем. Но благодаря многочисленным исследованиям, которые были произведены Павловым и его учениками, у нас в распоряжении имеются факты, дающие нам возможность ответить на вопрос, что происходит в мозгу, когда имеет место условный рефлекс, его торможение и растормаживание. Следовательно, речь идет не о том, что происходит в периферической части нервной системы, а наоборот, о том, что происходит в центральной части, благодаря чему рефлекс «усиливается», «ослабляется», имеет место или не имеет места.

По этому поводу Павлов предлагает гипотезу, которую он, без достаточных, впрочем, оснований, называет законом. Она состоит в следующем. Когда происходит кормление собаки, то та часть нервной системы, которая бывает затронута процессом кормления, находится в состоянии повышенного возбуждения. Это возбуждение образует как бы некоторый очаг, к которому всякое другое возбуждение, находящееся в другой части нервной системы, тянется. Это возбуждение стремится притягивать всякое другое возбуждение.

Теперь представим себе, что, когда слюнной центр находится в состоянии возбуждения, в это время раздается звук камертона. Тогда возбуждение от периферии пойдет по слуховому нерву, и это возбуждение разойдется по всему мозгу. Оно будет иррадировать, т.-е. будет разливаться по всему мозгу. Но, если уже есть один очаг возбуждения, то оно тотчас же направляется к этому очагу и будет здесь концентрироваться. То же самое иррадиирование произойдет с очагом возбуждения уже существующего, и вследствие этого установится сообщение между воз-

буждениями этих обоих центров, слюнного и слухового. Таким образом, условный рефлекс устанавливается, благодаря именно тому, что возбуждение, которое сначала имело характер разлитой, иррадиировалось, впоследствии концентрировалось, соединилось с уже существующим возбуждением, и образовался новый путь через слюнной центр. Если, поэтому, мы поставим вопрос, что, вообще в мозгу делается, когда у животного имеет место тот или другой условный рефлекс, то мы должны будем признать ничего более, как только процесс возбуждения, который сначала иррадиирует, а затем концентрируется.

Заметим сущность метода изучения мозговой деятельности по Павлову. Если в случае торможения рефлекса мы станем говорить, что собака не хотела испускать слюну, потому что ее не кормили, то это будет неправильно. При об'яснении причин рефлексов не следует вводить никаких психологических понятий. Не нужно выходить за пределы чисто физиологических понятий. Можно говорить, процесс был заторможен или расторможен, было возбуждение, не было возбуждения и т. п. По словам Павлова, не было в его практике случая, когда бы ему нужно было об'яснить сложный вид рефлекса, и чтобы физиологических терминов оказалось недостаточно для этого. «Никогда», говорит он, я не имел надобности прибегать к каким бы то ни было психологическим понятиям, вроде «желание», «намерение» и т. п.; понятий «иррадиация», «возбуждение», «торможение» и т. п. было вполне достаточно, чтобы об'яснить все самые сложные случаи проявления условных рефлексов. По мнению Павлова, когда мы изучаем мозговые процессы, то нам для об'яснения нет никакой надобности в какой-либо рутинной психологии.

Теперь мы можем поставить вопрос, каково отношение Павлова к психологии. Здесь мыслимы три возможности. Он может сказать: «Я физиолог, я знаю только изучение мозговой деятельности, но, конечно, я очень хорошо знаю также, что есть еще другая наука—психология, которая также занимается психической или умственной деятельностью; но то, чем занимаюсь я, и то, чем занимается психолог, две вещи разные; то, чем я занимаюсь, имеет право существования в науке. Но при этом я нахожу, что

и то, чем занимается психолог, имеет равное право на существование,— они равноценны». Следовательно, психология, как наука, нужна». Это первый ответ.

Павлов, во-вторых, может сказать: «Я физиолог, я занимаюсь физиологической наукой, мне до психологии никакого дела нет, я психологией не занимаюсь и не интересуюсь тем, есть психология, или нет; для меня существование психологии совершенно безразлично». Это было бы простым игнорированием существования психологии.

Но может быть ответ еще и третий. Павлов может сказать так: «Психологи занимаются душевной деятельностью, и мы, физиологи, занимаемся душевной деятельностью, но наш метод точный, а метод психологов—метод неточный, и уже очень давно (со времен Аристотеля) психологи занимаются изучением душевной деятельности, и ничего у них не выходит, а мы недолго занимаемся, но с правильным методом, и у нас получились точные результаты. Через 30 лет мы будем знать о душевной деятельности больше психологов. Мы, вообще во всем можем обойтись без психологии. Ее мы заменим физиологией мозга. Физиология мозга, как естественная наука, более точна, и нужно стремиться ею заменить психологию».

Какой же из этих трех ответов соответствовал бы истинному взгляду Павлова на психологию?

Если рассмотреть сочинения Павлова в разные периоды его научной деятельности, то легко убедиться в том, что на этот вопрос нельзя получить вполне определенный ответ. В 1909 году он пишет так: «Психология, в качестве союзницы, не оправдала себя пред физиологией»[1])... «Психолог, вместо фактических отношений, начинает строить догадки о внутренних состояниях животных по образцу своих суб'ективных состояний». «Я не отрицаю психологии, как познания внутреннего мира человека... здесь я только отстаиваю и утверждаю абсолютные, непререкаемые права естественно-научной мысли»[2]). В 1913 г. он пишет: «Вот почему мне представляется безнадежной со строго научной точки зрения—позиция психологии, как науки о наших суб'-

---

[1]) 71 Ст. Естествознание и мозг.
[2]) Двадцатилетний опыт, стр. 77.

ективных состояниях». Затем, в 1917 году он говорит: «Я вижу и преклоняюсь перед усилиями мысли старых и новейших психологов, но работа эта совершается страшно не экономично»[1]).

Обыкновенно принято думать, что Павлов просто отрицает реальность душевной жизни, но из приведенных только что взглядов этого совсем не вытекает. В общем, однако, он придерживается того взгляда, что результаты психологических исследований мало надежны, методы же физиологии обещают очень плодотворные результаты.

По словам Павлова, при исследовании условных рефлексов, мы не берем гипотетических понятий, а берем совершенно определенные понятия: «контакт», «замыкание», «торможение», «расторможение». Все это суть об'екты пространственного мышления. Они могут быть предметом непосредственного наблюдения. Психические состояния в чужой душе видеть, наблюдать, измерять мы не можем, а потому естествоиспытатель не должен иметь с ними дела.

Но правильно ли это утверждение? Можно ли сказать, что та область, которую мы называем мозговой в собственном смысле, может являться предметом непосредственного наблюдения? На самом деле, мы никаких контактов, никакого торможения и растормаживания не видим. Мы непосредственно воспринимаем только раздражение и слюнотечение, а обо всех промежуточных процессах в мозгу мы только заключаем и строим гипотезы более или менее достоверные. В самом деле, что мы представляем себе, когда говорим о контакте? Мы представляем себе два или более центра, между которыми установилась связь. Эту связь мы мыслим, конечно, пространственно. Но конкретные детали этой связи для нас неясны. Далее, что такое торможение? Это—образ, и при том образ очень неопределенный. Мы совершенно ясно себе представляем, что, когда есть торможение, то какой-то процесс останавливается, нет рефлекса, а что в мозгу в процессе торможения делается, какой процесс имеет место—мы этого не знаем.

---

[1]) Ср. с этим замечание Г П Зеленого. „Здание настоящей физиологии мозга еще не воздвигнуто, но уже строится и быстро растет. Скоро уже, может быть, наступит время, когда здание физиологии станет выше здания психологии Материалы к вопросу о реакции собаки на звуковые раздражения 1907, стр. 20.

«Торможение»—выражение неясное, гипотетическое; то же самое следует сказать и относительно термина «расторможение». Нельзя не согласиться с тем, что психических процессов нельзя видеть, но и физиологических процессов в мозгу тоже нельзя видеть. Поэтому я и протестую, когда говорят: «У психологов все неясно, чтобы вы ни взяли, а у физиологов все ясно». Я сказал бы, что часто бывает совсем наоборот. Например, я думаю о каком-нибудь условном рефлексе с точки зрения психологической. Положим, вид колбасы вызывает истечение слюны. В этом комплексе психических переживаний все ясно; ни одного момента гипотетического, все непосредственно пережито. Потому, мне кажется, нельзя говорить так: «психологи чужой души видеть не могут; значит, все у них гипотеза, а у нас пространственное мышление, а потому, все непосредственно очевидно». Это неверно. Конечно, нужно иметь некоторый навык в наблюдении психических процессов, чтобы не говорить, что психический процесс—какой-то неуловимый процесс. Наоборот, они непосредственно переживаются нами, непосредственно известны нам и могут быть описываемы без каких бы то ни было гипотетических элементов. Физиолог же без этих последних никак обойтись не может.

Теперь рассмотрим следующий пункт. Для Павлова, по его словам, за 13 лет работы, никогда ни одно психологическое понятие не оказалось полезным. Поэтому он ставит общее требование не пользоваться никакими психологическими понятиями при изучении деятельности мозга. Это требование абсолютно не выполнимо при изучении функций мозга. Говоря об условных рефлексах, никак нельзя обойтись без того, чтобы не употреблять психологических терминов. Павлов находит, что употребление таких выражений, как «глаз», «ухо» и пр. намекает на психологию и предлагает, вместо них, употреблять «анализатор», понятие, которое указывает на то, что множественность внешнего мира разлагается на составные части. Если рассмотреть физиологическую терминологию, употребляемую Павловым, то и термин «анализатор» предполагает определенные психологические понятия. Ведь, нельзя сказать: «слуховой анализатор» без того, чтобы не подумать о слуховых ощу-

щениях. Нельзя сказать «зрительный анализатор» без того, чтобы не подумать о зригельных ощущениях. В ответ на эти возражения Павлов в своей статье, которую он послал на Женевский конгресс, постарался обойтись без психологических понятий. Статья была написана как бы в ответ на замечания Клапереда, который сказал: «Когда физиологи создадут рядом с психологией физиологию головного мозга,— я разумею физиологию настоящую, а не психологический сколок, который они нам преподносят под этим именем,— физиологию, способную говорить от себя и без того, чтобы психология подсказывала ей, слово за слово, то, что она должна сказать, тогда мы увидим, есть ли выгода упразднить человеческую психологию». На это Павлов в статье: «Настоящая физиология головного мозга» [1]) отвечает: «Народилась и быстро растет физиология больших полушарий, исключительно пользующаяся физиологическими понятиями и не имеющая ни малейшей надобности ни на один момент прибегать к помощи психологических понятий и слов». Несмотря на это последнее заявление проф. Павлова в основном этот метод фактически не может обойтись без привнесения со стороны психологии. Возьмем термин «кожный анализатор». Будет ли этот термин чисто физиологический или психологический? На первый взгляд кажется, что это термин чисто физиологический. Но если мы употребим термин «кожно-механический анализатор», или «кожно-температурный», или «кожно-болевой», то станет совершенно ясным, что мы свои душевные состояния переносим в сознание животного. Если в лаборатории Павлова употребляют слова «кололка» и «чесалка», то совершенно ясно, что при помощи одного прибора надеются вызвать ощущения одного типа, а при помощи другого ощущения совсем иного типа.

Ученик Павлова, Попов, после запрета употреблять психологические термины, выражается следующим образом: «Нервная система собаки отличает почесывание определенного участка кожи от давления или покалывания в том же участке—или от почесывания другого участка... отмечает местное охлаждение кожи, отмечает нагревание участка

[1]) См ук. Сборник.

кожи. Нервная система собаки способна отсчитывать время». Далее, «зрительный анализатор собаки отличает появление света, различает движение предмета, различает цветную окраску»[1]). Совершенно очевидно, что чисто психические способности «отмечания», «отсчитывания», «различения» признаются, но только они приписываются нервной системе и физическим анализаторам.

Нужно считать незаконным перенесение психологических представлений человека на переживание животного, когда говорят, что у собаки есть а б с о л ю т н ы й с л у х. Из исследований Павлова оказалось, что собака различает тон в 80.000 колебаний в то время, как человек различает тон только в 40.000 колебаний. Таким же способом можно было убедиться в том, что собака обладает абсолютным слухом[2]). Этот способ выражения недопустим для Павлова. Ведь, понятие р а з л и ч е н и е имеет исключительно психологическое значение, и он не должен был бы его употреблять. Несомненно, конечно, что собака может определенным образом р е а г и р о в а т ь на 80.000 колебаний, но следует ли отсюда, что собака различает высоту тона? Павлов говорит, что у собаки есть абсолютный слух, который имеется далеко не у всех музыкантов. Когда вы даете камертоном какой-нибудь тон la, положим, то человек, который различает высоту этого тона, тотчас произносит его название. У человека между тоном la и названием есть определенная ассоциация. Имеется ли то же самое и у собаки? У собаки, когда вы даете тон la, тотчас появляется рефлекс, т.-е. течет слюна; повидимому, то же самое, что и у человека. На этом основании Павлов утверждает, что «у собаки есть абсолютный слух». Но он сам лишил себя права говорить об этом. Стоя на точке зрения физиологии, он имеет право сказать только, что, когда звучит камертон, есть рефлекс, а что имеется в с о з н а н и и собаки, об этом он не может говорить. Говорить, что у собаки есть абсолютный слух, значит пользоваться языком психологов.

В самом деле, что такое абсолютный слух? Благодаря абсолютному слуху, можно определять тон, непосредственно, вследствие ассоциации, или, может быть, вследствие того,

---

[1]) П о п о в. К учению об анализаторе пространства, 1920, стр. 8—14
[2]) Ст. Естествознание и мозг.

что в этом тоне могут быть еще какие-либо признаки—обертоны и т. п., через посредство которых мы можем узнавать высоту тона.

Можем ли мы сказать, что что-либо подобное имеется у собаки. Может быть, действительно, собака может отличать высоту тонов, благодаря наличности тембра, или каких-либо других побочных признаков. Но об этом мы, при методе Павлова, говорить не можем, так как нельзя пользоваться каким бы то ни было психологическим термином. И может быть вполне прав французский зоопсихолог Bohn который утверждает, что, когда собака реагирует на какой-нибудь тон, то сказать, что у нее есть различение этого тона, неправильно; собственно, может быть, это есть только моторная реакция. При данных, которые нам представляет Павлов, мы не имеем права говорить о способности различения, потому что мы всегда можем утверждать, что это есть только моторная реакция на определенный звук. Мне представляется весьма возможным, что у собак, выдрессированных в лаборатории (при помощи повторения 200 раз), ассоциация приобретает такую твердость, что имеет механический характер. По моему мнению, в указанных только что реакциях на высоту тонов отвечает только нервная система, различения же, в собственном смысле слова, может и не быть. Если признать, что в нервной системе может быть своеобразное состояние, которое называется резонансом, то весьма возможно, что реакции животного суть не различение и ассимиляции, или отождествление, а просто бессознательный резонанс. Насколько метод Павлова неудовлетворителен для изучения процесса различения, показывает то обстоятельство, что по исследованиям одного из учеников Павлова, оказалось, что собака не различает цветов. Этот результат мало вероятен. Трудно допустить, чтобы собака в различении звуков стояла выше человека, и в то же время не различала цветов.

Но если Павлов в своих исследованиях мозговой деятельности не считает нужным даже вводить какие-нибудь психологические понятия, то спрашивается, имеют ли его исследования какое-либо значение для психологии, и если имеют, то какое. По моему мнению, исследования Павлова имеют очень важное значение для об'яснения образова-

ния привычек во всех областях душевной жизни человека. Когда приходится об'яснять физиологически процесс образования привычек или навыков, или ассоциации вообще, то обыкновенно прибегают к допущению образования каких-то следов, или допускают соединение и раз'единение нейронов. В исследованиях Павлова динамика образования физиологических ассоциаций улавливается непосредственно с очень большой тонкостью. Оказывается, что образование привычек и утрата их приобретают необыкновенно подвижный характер, т.-е. нервная система обладает, очевидно, огромной пластичностью. В этом смысле ознакомление с теми материалами, которые имеются у Павлова, представляет для психолога громадный интерес. Все виды ассоциаций, всякие образования привычек об'ясняются при помощи теории Павлова в высшей степени удовлетворительно. Но, вообще, следует заметить, что метод Павлова при об'яснении психических процессов имеет очень ограниченное приложение, только для об'яснения образования привычек и образования ассоциаций и, может быть, процессов различения через посредство ассоциаций. Как только мы двинемся дальше, в область более высоких умственных процессов (внимания, суждения, апперцепции), об этом при методе Павлова и речи быть не может. И когда в статье «Чистая физиология мозга», он говорит: «Мы подходим к таким процессам, как сознание, мысль, воля»[1]), то с этим никак согласиться нельзя. К таким процессам как мысль, воля, он никогда не подходит и подойти не может, потому что метод его очень ограничен—некоторые определенные области—области образования ассоциаций, навыков и привычек и ничего больше; но мы знаем, что ассоциацией нельзя об'яснить внимания, апперцепции, хода мысли и воли. Значит, совершенно ясно, что приложение метода Павлова для об'яснения психических явлений оказывается очень и очень ограниченным.

Я считаю совершенно неправильным утверждениие, что, когда мы изучаем высшую нервную деятельность, то должны воздержаться от применения каких бы то ни было психологических понятий. Нужно признать, совершенно правильным, что в прежнее время ложная психология, которой поль-

[1]) См. Сборник, стр. 23

зовались физиологи, часто приводила их к ложным выводам; но из этого вовсе не следует, что психология всегда может применяться только ложно. Поэтому думаю, что, вообще, параллельное изучение психологических и физиологических процессов в научном отношении может быть вполне целесообразным, как это мы увидим ниже.

Павлов пытается сводить психическое на физиологическое. Он считает блестящей попытку Сеченова «представить себе наш суб'ективный мир чисто физиологически». Я считаю задачу представления суб'ективного мира чисто физиологически абсолютно неразрешимой.

Нежелание считаться с реальностью сознания приводит его к утверждению: «что движение растений к свету и отыскивание истины путем математического анализа не есть ли, в сущности, явления одного и того же ряда. Не есть ли это последние звенья почти бесконечной цепи приспособлений, осуществляемых во всем животном мире?»[4]). Это рассуждение является типичным образчиком основного petitio principii которое содержится в учении Павлова. Сначала он просто выкидывает сознание, а затем начинает утверждать, что такое явление, как движение растений к свету и математическое мышление могут считаться явлениями одного порядка. Несомненно, с физиологической точки зрения они могут рассматриваться, как таковые, но с точки зрения биологической такое отождествление решительно недопустимо, ибо связано ли движение растений с сознанием, доказать этого нельзя; но что мозговые процессы в математическом мышлении связаны с явлениями сознания, это, несомненно. Пусть Павлов затрудняется признать сознание фактором, но фактом он его признать должен. Именно, сознание является фактом биологическим.

Как же понимать по Павлову сводимость всех душевных явлений к рефлексам? Он на этом вопросе нигде подробно не останавливается, но для него такое сведение является фактом само собой разумеющимся. Понимать его теорию, повидимому, нужно следующим образом. Исходным пунктом его теории является понятие рефлекса. В рефлексе существенным является его механический, чисто физиологический характер. Он исходил из понятия слюнного рефлекса, имеющего, бесспорно, чисто

механический характер. Условный рефлекс, представляющий из себя соединение двух полудуг рефлекторных, он тоже называет рефлексом. С достаточным ли основанием, это едва ли можно утверждать с полной уверенностью. Что физиологически они сходны, это, конечно, верно; но будет ли их биопсихологическая роль одна и та же, очень сомнительно[1]). Для Павлова, конечно, самое существенное заключается в том, что условный рефлекс является типичным для соединения двух рефлекторных дуг. Так как условных рефлексов бесчисленное множество («видимо-невидимо»), то ясно, что их соединение по типу изученного условного рефлекса может дать бесконечное множество соединений рефлексов, соответствующее бесконечной сложности душевной жизни.

Но можно ли считать этот взгляд обоснованным? Я решительно думаю, что нет. Из механического понимания рефлекса нельзя понять механизма душевной деятельности. В самом деле, рассмотрим процесс осложнения душевной деятельности в связи с осложнением механизма рефлексов. Павлов утверждает, что при ближайшем анализе между тем, что называется рефлексом и тем, что обозначается словом «инстинкт», не оказывается фундаментальной разницы»[2]). Инстинкт, по Павлову, есть сумма рефлексов и ничего больше. С этим утверждением никак согласиться нельзя. При обсуждении природы инстинктивных действий нельзя становиться на точку зрения чисто физиологическую. В жизненном процессе мы то или иное явление должны рассматривать не отвлеченно, физиологически, а реально биопсихологически. Если так, то на инстинктивные действия нельзя смотреть, как на простую сумму рефлексов. Если на самом деле, к ним не придать ума, известного вида сознания, инстинктивного действия не осуществится. В этом смысле инстинктивные действия существенно отличаются от рефлексов, именно, типа слюнных рефлексов. Если мы поднимемся еще выше, то увидим, что одних рефлексов не-

---

[1]) На несводимость душевной жизни к рефлексам весьма убедительно указывал В. А Вагнер, который первый предложил весьма основательную критику теории условных рефлексов (См. его „Биопсихология“ в сборнике „Новые идеи в биологии“ 1914 и „Биопсихология и смежные науки“ 1923).

[2]) Двадцатилетний опыт, стр 209 (Прим.).

достаточно для об'яснения, например, волевых действий. Павлов выводит целевые рефлексы из хватательных. Термин «целевой рефлекс» представляет собою просто неправильное словосочетание. Что волевые движения должны быть выводимы из каких-нибудь инстинктивных движений, это в психологии известно очень давно[1]), но, с другой стороны, термин «целевой рефлекс» вызывает представление, что волевой акт есть чисто автоматическое, механическое движение. Между тем, для осуществления волевого рефлекса необходима наличность сознания. Ясно, что, вообще, сведение всех душевных процессов к механическим рефлексам есть попытка неудачная.

Этим решается также вопрос о том, может ли когда-нибудь учение об условных рефлексах заменить собою психологию. Можно решительно утверждать, что этого никогда не будет. Уже теперь психология, пользующаяся интроспективным методом, раскрывает тончайшие формы душевной жизни, в то время, как физиология может дать об'яснение только процессу ассоциации, при том в очень гипотетической форме. Разумеется, при таких условиях ни о какой замене психологии учением об условных рефлексах и речи быть не может.

Метод условных рефлексов, по самому существу своему, не дает возможности изучать высшие процессы. Он даже оставляет неясным вопрос, имеется ли налицо в процессе реакции сознательное различение или это есть чисто механический процесс. Возможно и то, и другое. Павлов не поставил никаких экспериментов, чтобы дать ответ на этот вопрос. Как же после этого он мог бы изучать такие процессы, как внимание и апперцепция? Если же он этого не может, то как же можно после этого говорить о возможности замены психологии учением о рефлексах[2])?

---

[1]) Это уже в 60-х годах прошлого столетия доказывали Спенсер и Бен.

[2]) Если признать, что центром „апперцепции" являются лобные доли, то при помощи об'ективного метода Павлова никак нельзя определить, принимает ли процесс апперцепции участие в образовании условных рефлексов. По крайней мере опыты с удалением обоих лобных долей Демидова, Сатурнова, Афанасьева привели к противоречивым результатам. Об этом см. В. К Хорошко „Лобные доли мозга в функциональном отношении" отд. отт. из ж. „Врачебное дело" № 7-9 1922 стр. 4-6.

В методе исследования Павлова есть один основной недочет, делающий его непригодным для замены психологии. Это, именно, совершенное элиминирование психического при изучении условных рефлексов. Конечно, следует избегать ложных психологических толкований, но при изучении высшей мозговой деятельности следовало бы вводить психологические толкования. Только такой прием и мог бы сделать его метод особенно полезным для психологии. Таким путем можно было бы значительно расширить круг исследований, поставивши новые проблемы.

В самом деле, экспериментально психологические исследования, поставленные со специальной целью определить, нет ли в условных рефлексах каких-нибудь чисто психических элементов, как раз привели, именно, к этому заключению.

Есть ли условный рефлекс, действительно, только рефлекс, или он всегда есть нечто большее? Американский психолог Himl вызывал условный рефлекс, результатом которого является движение пальца, и, пользуясь, интроспекцией и отмечая время реакции условного рефлекса, пришел к заключению, что этот процесс предполагает вмешательство психических элементов. К тому же заключению пришли и другие исследователи[1]).

В заключение скажу несколько слов о понятии об'ективной психологии.

Для всех видов научного исследования чрезвычайно важно точное отмежевание тех или иных областей исследования. В психологическом исследовании чрезвычайно важно знать, где кончается область психологии и начинается область физиологии. Этого как раз мы не имеем в об'ективной психологии. Так называемые об'ективно психологические

---

[1]) Doutchef Deseuse. L'image et les réflexes conditionnels dans les travaux de Pavlov 1914.

Gley et Mendelssohn. Quelques expériences sur le réflexe salivaire conditionnel chez l'homme Cont rend Soc de biologie. 1915

Hamel A Study and Analysis of the Conditioned Reflex. Psych. Monogr 1919 Ср с этим:

Watson The place of the Conditioned Reflex in Psychology. Psych Rev 23 1916 89

Cason. The Conditioned Pupillary Reaction ib. 5. 1922.

Watson and Reynor Conditioned Emotional Reactions. ib. 3. 1920. Цитирую по статье Mursell'a The Prnciple of Integration in objective Psychology. Americ. Journ. of Psychology 1924 January.

исследования суть, на самом деле, исследования физиологические, а не психологические. Исследуется нервная деятельность. Поэтому никак нельзя было бы говорить о возможности замены психологии просто так называемой об'ективной психологией. То, что исследует Павлов, есть, собственно, реакция живого существа на воздействие внешнего мира. Реакция имеет как физическую, так и психическую сторону. Павлов при описании реакции преднамеренно исключает психическую сторону и говорит так, как если бы ее совсем не было.

Теория условных рефлексов есть теория физиологическая, которая, правда, проливает свет на некоторые психические явления, именно, образование и расстройство ассоциаций, устанавливание привычных движений и т. п.; другими словами, на физиологические стороны психических процессов. Так как реакция, по существу, есть психофизиологический процесс, то искусственное исключение психической стороны приводит к различным непоследовательностям.

Если кто-нибудь утверждает, что изучение деятельности мозга с исключением всего психического есть об'ективная психология, то против такого словосочетания нужно решительно возражать, потому что соединение понятия «психология» и понятия «об'ективная» есть соединение неестественное. На самом же деле об'ективная психология получается из того материала, который доставляет об'ективное изучение мозга плюс тот психологический материал, который привносится нами из нашего самонаблюдения к об'ективно данному материалу.

ГЛАВА III.

„Психология поведения“ (бихэвиоризм).

Об'ективный метод был применен к изучению «поведения» живых существ, почему и самый метод носит название «психологии поведения». Эта психология возникла и получила широкое распространение в Америке, под именем «бихэвиоризма» (от слова behavior что значит «поведение»).

Различные мотивы способствовали появлению этого вида психологии. Прежде всего, в последнее время психологов, стоящих на эмпирической точке зрения, смущал самый термин «психология». В этом термине слышалось притязание на изучение «души», как особой сущности, чего эмпирическая наука никак допустить не может. Далее, сторонникам психологии поведения казалось, что, например, психология животных не может ставить своим предметом изучение «сознания», так как мы не знаем и никогда знать не будем, суть ли животные существа сознательные, ибо нет критериума, могущего доказать наличность сознания у животных. Но если бы даже допустили наличность сознания у животных, то мы лишены возможности познать его вследствие недоступности его для нашего непосредственного восприятия. Те самые основания, которые приводятся в пользу упразднения психологии животных, должны обязывать к упразднению психологии ребенка, затем душевнобольного и, наконец, взрослого нормального. Поэтому, игнорируя сознание животных и человека, следует просто изучать только лишь действия или движения животных, общая совокупность которых составляет то, что называется поведением.

Идея психологии поведения возникла из изучения психической жизни низших организмов и именно по той причине, что психическая жизнь этих последних вследствие несходства их организации с организацией человека наименее доступна пониманию психолога.

Отрицание возможности познания какой бы то ни было чужой душевной жизни впервые появилось у зоопсихологов, которые сомневались в возможности познания душевной жизни животных, а затем было распространено и на душевную жизнь человека.

История вопроса проливает свет на сущность проблемы психологии, как науки о поведении.

Зоопсихологи при изучении душевной жизни животных стремились стать на точку зрения естествознания и в большинстве случаев приходили к механическому пониманию душевной жизни, т.-е. к сведению душевной жизни к механизму рефлексов. Первый, давший сильный толчок в этом направлении был американский биолог Лёб. Его попытка смотреть на животный организм, как на совокупность рефлексов получила очень широкое распространение. Бете в 1898 году в сочинении: «Должны ли мы муравьям и пчелам приписывать психические свойства», отвечает на поставленный вопрос отрицательно, ибо они, по его мнению, суть рефлексные машины. Все движения муравьев и пчел имеют исключительно механический характер. Муравьи и пчелы в своих движениях не руководятся каким-либо представлением или вообще каким-либо элементом сознательности. Беер, Икскюль не допускали у животных наличности сознания. Они отказываются от всякого психологического об'яснения и требуют, чтобы вместо психологии животных говорили только о нервной физиологии.

Если реальность душевной жизни подвергается сомнению, то следует вообще избегать каких бы то ни было психологических терминов. Следует выработать новую исключительно об'ективную терминологию. Это в действительности вышеуказанные зоопсихологи и сделали. В номенклатуре, предложенной Беером, Бэте и Икскюлем слово ощущение заменено словом Reception выражение «орган чувства» заменено словом Receptions-organ. Зрительные, слуховые, осязательные и вкусовые ощущения заменены

словами: „Photoreception, phonoreception, tangoreception, chemoreception". По этой терминологии глаз будет называться «фотерецептор», нос «стиборецептор» и т. п.

Таким образом, получилась идея изучения поведения животных, при том при помощи «об'ективного метода»[1]).

Термин «психология поведения», по его собственному заявлению, был введен М. Дауголлом, в 1905 году в его книге Primer of Physiological Psychology[2]), хотя по отношению к психологии животных его употребляли и раньше, например, Lloyd Morgan свою книгу, посвященную изучению душевной жизни животных в 1900 г., назвал Behavior" В другой книге, «Психология, как наука о поведении», вышедшей в 1912 году[3]), Мак Даугол, рассматривая область психологии, находит, что общепринятые определения психологии, как науки о духе (soul), душе (mind) или о сознании (consciousness) недопустимы вследствие, с одной стороны, трансцендентности, с другой стороны, неясности этих понятий. Самое ясное определение предмета психологии получится в том случае, если мы определим психологию, как науку о «поведении» (т.-е. о действии живых существ). Но если мы спросим Даугола, что же психолог вообще может наблюдать, то он ответит: «Психолог может наблюдать, прежде всего: 1) свое собственное сознание, 2) затем поведение людей и животных вообще. Из этого ясно, что хотя Даугол определяет психологию, как науку о поведении, однако, по вопросу о познании душевной жизни он стоит на точке зрения интроспективной психологии, ибо он признает, что психолог должен, прежде всего, наблюдать явления собственного сознания.

Такого же понимания психологии, как науки о поведении, держится и другой американский психолог, Пиллсбери. В своей книге «Очерк психологии» (The Essentials of Psychology) 1911 г.) отвергает определение психологии, как науки о «душе» или о «сознании», так как первое понятие сделалось в течении времени многозначным и не имеющим отношения к науке, а второе также не является безупречным. По его

---

[1]) Об'ективную психологию этого периода подверг весьма основательной критике Claparede, La psychologie comparée est elle legitime? Archives de Psychologie. 1905.

[2]) Dougall An Outline of Psychology. 1923. стр. 38

[3]) Psychology, the study of behavior. 1912.

мнению, психологию лучше всего можно определить, как науку о человеческом поведении. «Однако, сознание должно играть очень существенную роль в нашей науке, говорит он. Поведение должно быть изучаемо через посредство сознания индивидуума и посредством внешнего наблюдения. Сознание и поведение тесно связаны друг с другом. Сознание в других познается только через посредство поведения, поведение в нас самих и в конечном счете в других познается только через посредство сознания»[1]).

Этих сторонников психологии поведения можно было бы назвать бихэвиористами суб'ективистами. В отличие от них в 1913 году возникает течение, которое является резко об'ективным. Наибольшую известность приобрел Уотсон[2]). Почти одновременно с ним выступил Фрост[3]). После этого времени бихэвиоризм приобрел чрезвычайно широкое распространение. Возникает множество типов бихэвиоризма, настолько отличающихся друг от друга, что часто в списке бихэвиористов фигурируют психологи, которые в других списках выставляются противниками бихэвиоризма. Например, в Journal of Philosophy за 1922 год, № 11, один сторонник бихэвиоризма приводит следующий список антибихэвиористов: Энджелл, Тичнер, Иеркес, Боди, Кокинс, Даугол, Робак, Миллер, Маршал, Кросланд, Толмэн, Левджой, Кантор, Де-Лагуна, Уошберн, Холт, Мид, Рессель, Бартлетт, Томсон и др. Между тем, в других списках Энджелл, Боди, Холт выставляются, как сторонники бихэвиоризма.

При таком положении вопроса в настоящее время делать полный обзор всех разноречивых течений было бы совсем нецелесообразно и потому для ознакомления с сущностью современного американского бихэвиоризма я предложу изложение взглядов двух бихэвиористов Уотсона и Лэшли, как представителей двух основных типов бихэвиоризма.

---

[1]) Ук. соч. стр 1-6

[2]) Его сочинения: Psychology as the Behaviorist Views it в Psychological Review. 1913 March; Behavior· An Introduction to Comparative Psychology. 1914; Psychology from the Standpoint of a Behaviorist. 1919. Статья в Britisch Journal of Psychology. 1920.

[3]) Frost. Psychological Review 1912.

Психология Уотсона называется бихэвиоризмом, потому что она изучает не явления сознания, как это делает обыкновенная психология, а изучает действия животных. Мотивируется это тем, что процессы сознания недоступны для непосредственного изучения. Действия же человека и животных изучаются постольку, поскольку они доступны для непосредственного восприятия—при помощи органов чувств. В этом смысле устраняется различие между изучением телесных процессов и душевных. Изучение бихэвиористом каких-либо эмоций совершается таким же образом, как и изучение роста, цвета, и т. п. В сферу изучения бихэвиористов входят все действия. Сюда относятся грубые телесные движения, как, например, бег, значительные и незначительные движения тела или конечностей, выражения лица, жесты (гнев или едва заметное дрожание).

В сферу изучения бихэвиориста входят также и более или менее скрытые движения, но они нуждаются в применении специальной аппаратуры. Сюда относится, например, ускорение пульса при известных эмоциях, или в судебном процессе замедление испытуемым ответа на какой-либо вопрос, эмоционально связанный с его преступлением. Наконец, сюда же относятся все процессы в пределах тела, как, например, влияние гнева на секреции, обыкновенно описываемые, как физиологические.

Чистый бихэвиорист при изучении душевных процессов всецело отдается изучению телесных процессов. Его умственный взор совершенно покидает состояния сознания ради наблюдения действий, т.-е. указанных выше движений. Из этого становится ясным, в чем заключается цель психологии. Она заключается в том, чтобы установить точное соотношение между раздражением и ответным действием. Если такая закономерность будет установлена, то от этого могут последовать следующие результаты. При данности какого-либо раздражения психолог будет в состоянии предсказать, каково будет ответное движение, и, с другой стороны, при данности ответного движения он может определить природу вызвавшего его раздражения.

Таким образом, становится ясным различие между общепринятой психологией и бихэвиоризмом. Бихэвиоризм изу-

чает человека в действии. Вследствие этого он избегает каких бы то ни было рассуждений о сознании и не имеет никакой надобности в таких терминах, как ощущение, восприятие, внимание, воля, образ и т. п., так как эти последние апеллируют к внутреннему опыту, чего бихэвиорист никак допустить не может.

Различие между изучением бихэвиориста и изучением психолога можно пояснить на примерах изучения эмоций и мышления. Эмоция в обыкновенном понимании имеет двухсторонний характер. Это есть определенное внутреннее переживание, сопровождаемое известными внешними выражениями. Для бихэвиориста эмоция, как внутреннее переживание, не представляет никакого интереса, или даже оно вовсе не существует. Эмоция для бихэвиориста есть только просто «наследственная типичная реакция, включающая глубокие изменения во внутренностях и в железах».

Еще резче бихэвиористская точка зрения выявляется в определении мышления. «Мышление есть необнаруживающаяся речь» (Subvocal talking). «Мышление и восприятие, подобно другим явлениям, с которыми имеет дело психология, должны быть всецело определяемы в терминах поведения». Поведение, как мы видели выше, есть не что иное, как совокупность ответных движений на раздражения. Для бихэвиориста, таким образом, ответные движения суть «все те изменения в гладких и полосатых мышцах, которые следуют за данным раздражением».

О каких мышцах идет речь в данном случае? Это суть: «мускулы гортани, языка и речевые мускулы вообще». Эти мускулы одинаково принимают участие, как в восприятии, так и в мышлении. Восприятие какой-либо вещи тождественно с движением мускулов, занятых произношением ее названия. Если о человеке говорят, что он мыслит, то под этим нужно понимать, что он мыслит «мускулами» и что его мускулы в этом случае так же активны, как если бы он играл в теннис». Эти движения могут быть явственными, т.-е. выражаться действительной речью, или могут быть скрытыми, т.-е. тем, что обыкновенно называется внутренней речью».

Если признать, что мышление есть тоже самое, что речь, то нужно будет также признать, что до известной степени в восприятии или мышлении все тело, несомненно, принимает участие, как это имеет место во всяком поведении; а у глухих или немых, или у тех, у которых удалена гортань, обыкновенные функции гортанных мускулов замещаются пальцами, руками, лицевыми мускулами, мускулами головы».

Таким образом, восприятие и мышление сводятся, во всяком случае, к каким-либо комплексам движений мускулов, речевому механизму.

Для взрослого человеческого организма весьма существенно, что большинство раздражений, которые действуют на него, вызывают у него всегда определенный тип мускульного ответного движения в скрытой или открытой форме. Поэтому следует признать, что то или иное ответное движение является результатом привычки.

Что касается скрытых движений, то их роль нужно понимать следующим образом. Скрытые движения речевого механизма иногда освобождают другие мускульные процессы, которые благодаря привычке ассоциировались с ними и таким образом приводят в движение все грубые мускулы тела, как целого.

Когда мы употребляем выражение: «мы разрешаем какую-либо задачу посредством мышления», то с бихэвиористской точки зрения это нужно истолковывать таким образом, что то, что мы называем процессом мышления, есть не что иное, как ряд ответных движений, приобретенных при помощи привычки, который начинается со скрытого поведения речевого механизма и кончается какой-либо формой открытого поведения. В этом процессе так назыв. мышления в наличности имеется только лишь перемещение мускульных волокон вместе с сопровождающими химическими и физическими изменениями в сосудистой системе, пищеварительных органах и в железах. О наличии еще какой-либо реальности с точки зрения бихэвиориста говорить не приходится.

Но, ведь, есть же разница между скрытым мышлением, когда человек только обдумывает что-либо и тем видом открытого мышления, в котором совершается какое-либо

действие? По мнению бихэвиориста, различие между этими двумя видами мышления заключается только лишь в положении и об'еме групп мускулов и величине движений, которые имеются в том и в другом случае.

Нельзя истолковывать взгляд бихэвиористов в том смысле, что те или иные мускулы суть о р г а н ы мышления. Утверждения бихэвиориста сводятся к тому, что мельчайшие изменения положения этих мускулов с у т ь м ы с л ь, и что помимо этого ничего не может быть наблюдаемо в человеческом организме.

Таким образом, в бихэвиоризме происходит полное отождествление мыслей с движением мускулов. «М ы с л ь е с т ь д в и ж е н и е м у с к у л о в».

Если это признать, то придется допустить, что «с о з н а н и е» и все другие психологические понятия, связанные с сознанием, должны быть выброшены при анализе понятия восприятия и мышления. «Я убежден, говорит Уотсон, что мы можем написать психологию и не употреблять слов «сознание», содержание, интроспективно проверяемое, воображение» и т. п. И это утверждение нужно понимать не в том смысле, что психологические понятия выбрасываются условно из методических соображений. Нет. По мнению бихэвиористов мы не имеем никаких оснований верить в существование сознания. Явления сознания в собственном смысле слова не суть доказуемые факты опыта. «Те, которые стараются в лаборатории открыть образы, о которых говорит интроспективный психолог, ничего не найдет кроме процессов гортани».

Некоторые писатели истолковывали бихэвиористическую точку зрения в том смысле, что бихэвиорист не отрицает, что душевные состояния существуют. Он только предпочитает игнорировать их. На это Уотсон замечает, что «бихэвиоризм и г н о р и р у е т их в том смысле, в каком химия игнорирует алхимию и астрономия гороскопию. Бихэвиорист не имеет с ними дела потому, что по мере того, как поток его науки расширяется и углубляется, эти старые понятия тонут с тем, чтобы никогда больше не появляться» [1]).

---

[1]) Britisch Journal of Psychology. Oct. 1920.

Уотсон первоначально стремился избегать постановки вопроса о существовании явлений сознания. Он воздерживался, как от утверждения, так и от отрицания реальности сознания и довольствовался признанием, что если такой внутренний мир существует, то он не доступен для научного наблюдения и эксперимента. В последнее время он переменил точку зрения, именно, он стал решительно отрицать реальность явлений сознания.

Если психологи утверждали, что они имеют восприятия или образы, то Уотсон уверяет, что они ошибаются. «Мотивы убеждений психологов в реальности сознания не трудно найти, их корни лежат в мистицизме и в ранних религиозных предрассудках»[1]).

«Я должен, говорит Уотсон, совершенно отбросить воображение и постараться показать, что практически всякое мышление протекает в терминах сенсоримоторных процессов в гортани, которые редко доходят до сознания какого-либо лица, который не искал образов в психологической лаборатории».

После сказанного совершенно ясно, почему Уотсон мог утверждать, что можно написать психологию, даже не употребляя слово «сознание».

«Психология с точки зрения бихэвиориста[2]), говорит Уотсон, есть чисто о б'е к т и в н а я экспериментальная ветвь, которая также мало нуждается в интроспекции, как и такие науки, как физика и химия. Принято думать, что поведение животных не может быть исследовано без обращения к сознанию. До сих пор господствовало убеждение, что эти данные имеют ценность постольку, поскольку они могут быть интерпретируемы в терминах с о з н а н и я. Позиция, которую мы занимаем, заключается в том, что поведение животных и поведение человека рассматриваются на одной и той же плоскости, так как они являются одинаково важными для общего понимания поведения. О н а м о ж е т о б о й т и с ь б е з с о з н а н и я в п с и х о л о г и ч е с к о м с м ы с л е. Отдельное наблюдение «состояний сознания» при этом допущении также мало является задачей психолога, как и физика.

---

[1]) Там же.
[2]) Psychological Review. 1913.

Мы это можем назвать возвратом к нерефлективному и наивному употреблению сознания. В этом смысле о сознании можно сказать, что оно является инструментом или орудием, с которым работает всякий человек науки». Следовательно, Уотсон предполагает, что «сознание» понимается не в том специальном смысле, в каком оно понимается в психологии, а в том широком смысле, в каком оно понимается, как орудие познания.

В изложенном только что, мы имеем пока только план психологии, но не имеем самой психологии. Этот пробел Уотсон пытался пополнить в своей «Психологии с точки зрения бихэвиориста», 1919 г. В этом сочинении слова «ощущение» или «представление» заменены словами «реакция». Для того, чтобы читатель мог видеть, какое имеется различие между обыкновенной психологией и психологией бихэвиориста, приведем пример. В обыкновенной психологии говорится: «звуки рояля и флейты имеют различный тембр». По бихэвиористской психологии надо сказать: «наши реакции различны, когда тон С дается на рояли или флейте». Относительно Мюллер-Лиеровской иллюзии вместо обычного указания на преувеличение или уменьшение углов бихэвиорист скажет: «Глаз реагирует слишком мало (underreacts) на острый угол и реагирует слишком много (overreacts) на тупой угол. Вместо того, чтобы говорить, что кто-либо излагает показания «самонаблюдения», нужно говорить: «он дает словесный отчет». В обыкновенной психологии говорится: «если чей-либо оптический нерв раздражается смесью дополнительных цветовых волн, то у него является сознание белого цвета». По Уотсону в этом случае надо сказать: «он реагирует на нее, как на белый цвет».

По методу об'ективного наблюдения Уотсон изучил грудных детей, их отношение к животным, к клейким веществам, координацию их глаз и руки. В одном детском приюте он при помощи применения того же метода изучил различные рефлексы у детей.

Точка зрения Уотсона на задачи бихэвиористической психологии изложена им совершенно догматически и у читателя даже может возникнуть сомнение в точности моей передачи. Как вообще Уотсон мог отрицать реальность сознания? Чтобы убедить читателя, что, дей-

ствительно, весь вопрос заключается именно в этом, я приведу возражение, которое привел против бихэвиоризма американский философ Левджой[1]). Он относится к бихэвиоризму отрицательно и находит в нем внутреннее противоречие в допущении какого бы то ни было сознания. Аргументацию Левджоя я привожу целиком, так как она затрогивает самый существенный пункт бихэвиоризма Уотсона.

«Должен быть факт, говорит Левджой, который он сам (Уотсон) допускает, как факт и нет никого, кто бы его отрицал. Это именно тот факт, что бихэвиористический психолог существует.

Психолог бихэвиорист есть:

а) человеческий организм,

б) восприятие и мышление которого, если его собственная теория правильна, должна быть точно описана в терминах движений его гортанных и иных мускулов, но который

в) на самом деле мыслит, или утверждает, что мыслит внешние предметы и раздражения, т.-е. сущности вне его тела,

г) каковое мышление, очевидно, не может быть ни описано, ни об'яснено движениями его гортанных или иных мускулов в пределах его тела».

«Мышление всегда имеет дело с отдаленным в пространстве и во времени; но движения речевого механизма, в которых, по предположению, заключается мышление данного момента—внутрителесны и ограничены данным моментом».

Следовательно, если бы утверждение Уотсона, что «мышление есть только движение речевого механизма» было правильно, то оно никогда не могло бы осуществиться.

«Пусть, говорит Левджой, ваше описание мускульного сокращения будет таким исчерпывающим, как только вы желаете, в нем не может быть ничего такого, что указывало бы на то, что кроме пространственных перемещений различных волокон здесь имеется сознание этого перемещения».

---

[1]) См статью Lovejoy. The Paradox of the thinking Behaviorist. Philosophical Review. 1923. March.

«Сознание есть всегда добавочный факт; что это так, даже самый строгий бихэвиорист должен это допустить, потому что он не может отделаться от различия между мускульными движениями, которые суб'ект сознает, по крайней мере, когда психолог сам есть суб'ект».

Левджой ловит самого Уотсона на допущении противоречия. В своей речи на Оксфордском психологическом конгрессе Уотсон сказал: «Суб'ект может наблюдать себя в течение некоторого неподвижного периода времени, что он употреблял слова и фразы и что он некоторое время не знал, что он употреблял»[1]).

Левджой вскрывает смысл этого утверждения. «Здесь мы имеем суб'екта, говорит он, который в одно и то же время совершает два дела; он употребляет слова и фразы и в то же время наблюдает, что он их употребляет. Эти два процесса не тождественны, потому что один может совершаться без другого».

Бихэвиорист может сказать, что в этом случае не может быть речи о каком бы то ни было самосознании, потому что данное «наблюдение» есть не что иное, как речь относительно (about) первой речи.

Но Левджой находит, что такое оправдание было бы совершенно не обоснованным. «Бихэвиорист не может сказать, что вторичная речь, которую он называет наблюдением, есть речь относительно (bnto(a первичной речи. Категория (about), понятие отношения к чему-либо не имеет законного места в бихэвиористической системе. Это не есть отношение, выразимое в физических терминах; а все такие отношения исключаются из бихэвиоризма».

Сам Уотсон до известной степени признает, что его обобщение относительно природы «мышления» должно включать его собственное мышление. «Бихэвиорист, говорит он, сам по себе есть только комплекс реагирующих систем и должен быть доволен, если он проводит анализ с тем же самым орудием, которое он наблюдает в своих суб'ектах. Но в своей научной деятельности он употребляет орудия, существование которых он отрицает и

---

[1]) Цит. в ук. статье Левджоя стр. 148.

в своем суб'екте и в самом себе. Идея познания каким-либо знающим чужда психологии бихэвиоризма».

Сознание по Уотсону есть, но это сознание не является предметом изучения бихэвиориста.

«Последовательный бихэвиорист был бы тот, говорит Левджой, кто всю свою жизнь только сокращал бы и ослаблял бы свои мускулы, совершенно не сознавая, что он это делает». «Бихэвиоризм, одним словом, принадлежит к тому классу теорий, которые делаются тотчас абсурдными, как только мы их расчленим. Парадокс мыслящего бихэвиориста заслуживает того, чтобы занимать место в учебниках логики на-ряду с эпименидом, с которым он находится в близком родстве».

Левджой, по моему мнению, очень удачно попал в самый существенный пункт бихэвиоризма Уотсона. Бихэвиорист никак не может уйти от признания реальности сознания. Раз это сделано, то вывод очевидный. Сознание или явления сознания должны быть предметом научного познания, т.-е. должна существовать особая наука—психология.

В статье «Бихэвиористическое об'яснение сознания»[1]) Лэшли обосновывает другой вид бихэвиоризма, отличный от Уотсоновского. По его словам, «бихэвиоризм есть система психологии, настаивающая на верности об'ективных методов и физиологических интерпретаций». «Описание и об'яснение поведения может быть дано в терминах физико-химической деятельности». Лэшли всех бихэвиористов делит на три группы.

По взглядам первой группы факты сознательного опыта существуют, но только бихэвиорист не заинтересован в них. Это есть не что иное, как психофизический параллелизм, или, как он еще иначе его называет, дуализм. К этой группе он относит Бехтерева с его сочинением «Об'ективная психология».

По взглядам второй группы, хотя факты сознательного опыта существуют, но они не подлежат какой бы то ни было форме научного трактования, т.-е. они по самому

[1]) Lashley The behaviorist Consciousness. Psychological Review, 1923, July. Sept.

существу своему не могут быть предметом научного изучения. Бихэвиорист не обращает внимания на ту сущность, которую вообще называют сознанием, но он не отрицает права за другими изучать эти сущности и делать их содержанием какой-либо науки.

По взглядам третьей группы, к которой Лэшли относит и самого себя, предполагаемые своеобразные факты сознания не существуют. Бихэвиористическое об'яснение поведения физиологического организма не оставляет никаких остатков чистой психики. «Сознание есть поведение и ничего больше». На первый взгляд кажется, что это есть просто материалистическое учение, но Лэшли это отрицает. По его мнению, бихэвиоризм не есть материализм в метафизическом смысле, потому что материализм предполагает метафизическую теорию реальности, чего совсем не делает бихэвиоризм. Бихэвиоризм стремится только лишь к тому, чтобы дать логическое и математическое описание всего опыта, обычно называемого физическим и психическим, как этот последний представляется физическими науками.

Бихэвиоризм часто приводит аргументы в пользу отрицания сознания, но Лэшли находит, что просто отрицать реальность сознания нет никаких оснований. Обычно говорят: «принцип экономии требует исключения сознания, потому что оно не необходимо для об'яснения поведения». «Вера в наше «я» возникает из суеверий». «Сознание можно определить в об'ективных терминах». «Интроспекция не точна, не может быть проверена; материал, который ею доставляется очень переменчив».

Все эти доводы Лэшли считает неубедительными, потому что суб'ективист может на это сказать: «мое утверждение, что душевные состояния образуют своеобразную форму существования, основывается на природе материала, который вскрывает интроспекция».

Если бихэвиоризм признает реальность сознания и признает возможность изучения его, то его учение есть не что иное, как психофизический параллелизм. Но Лэшли решительно против этого протестует. «Бихэвиоризм, по его мнению, должен избегать того, чтобы быть только лишь ко-

ординированной системой с суб'ективизмом. Он должен вопрос о методе или об об'ективности подчинить применению механического или физиологического принципа». Другими словами, бихэвиорист должен излагать явления сознания в механических терминах. «Изучение человека не должно открыть чего-либо, что не могло бы быть адекватно описано в понятиях механики и химии». По мнению Лэшли, физиологическое об'яснение поведения будет полным адэкватным об'яснением всех феноменов сознания. Изучение сознания, таким образом, переносится в область физиологии.

Но какже можно изучать то, самая реальность чего отрицается. «Когда бихэвиорист отрицает, что сознание существует, он отрицает не существование феноменов, на которых основывается понятие, но он отрицает только, что эти данные образуют своеобразный вид существования или, что они не подчиняются анализу и описанию того же самого сорта, как и физические данные».

Но какже быть с фактом различия между материальными и духовными явлениями. На этот вопрос Лэшли отвечает: «Бихэвиорист утверждает, что понятие физических и биологических наук вполне адэкватны для описания и об'яснения всего опыта и что нет адекватной эмпирической очевидности для различения душевных и физических способов существования или аспектов опыта». «Проблема души и тела есть проблема приложимости известных постулатов и описательных методов (методов физических наук) к известным специфическим данным познания (элементам сознания»).

Чтобы доказать, что нет никакой надобности в рассмотрении явлений опыта с двух аспектов, Лэшли рассматривает отличительные черты сознания по общепринятому пониманию.

К отличительным чертам сознания относятся следующие моменты:

1) Сознательность (Awareness) Сознательный организм имеет знание о самом себе, о вещах, отличных от себя или о том и о другом; а это отсутствует у неорганического механизма, как бы этот последний не был сложен.

2) Содержание (Content) Это есть мир вещей познаваемых, ощущений, образов, аффектов, которые имеют некоторые признаки, неопределимые в пространственных, временных, количетсвенных или иных материальных терминах.

Познаваемое отличается от физической реальности, между прочим, признаком.

Трансцендирования (Selftranscendence). Содержание сознания выходит за пределы физической реальности, когда, например, относится к прошлому. Иногда говорится, что сознание трансцендирует за элементы содержания, когда, например, два образа сравниваются.

3) Организация сознания. Мы можем различать известные признаки, которые могут быть приписываемы организации вещей познаваемых в сложную систему человеческого сознания. Сюда относится: а) ограничение содержания, б) единство сознания, в) сознание своего «я», г) самоорганизация (способность сознания созидать порядок в пределах самого себя).

Таковы мотивы, отличающие сознание от явлений физических. Но, по мнению Лэшли, эти моменты не проводят резкой разграничительной линии между явлениями сознания и явлениями материальными.

Возьмем для примера первое определение (сознательность). Сознательность предполагает три момента: знающего, процесс знания и знаемое. Но в реальном переживании нет прямого испытывания (experience) знающего (Knower), нет прямого познания процесса сознательности. При помощи самонаблюдения можно открыть признаки предметов познания, содержания сознания и это содержание включает познающего или сознательность. Несомненно, конечно, что знающий и знание (knowing) содержится в знаемом(in the Known), но прямо не являются предметом опыта.

От такого положения бихэвиорист ни в малейшей степени не терпит ущерба. «Для бихэвиориста нет надобности иметь дело специально с сознательностью. Если он может дать об'яснение признаков содержания, то его задача выполнена».

Существование центрально возбужденных ощущений или образов представляло значительные трудности для прежнего методологического бихэвиоризма, потому что такие ощущения недоступны для об'ективного изучения. Но для Лэшли в этом нет никакой трудности. «Для бихэвиориста, который заинтересован в физиологическом об'яснении, не составляет разницы, будет тот или иной участок возбужден периферически или центрально».

Далее, новые трудности заключаются в том, что образ содержит качественные элементы, которые не могут быть описаны. Кроме того, они имеют отношение к прошлому, к будущему или к пространственно отличным об'ектам и поэтому, употребляя выше раз'ясненный термин, можно сказать, что они трансцендируют к пространству или ко времени: «Наше настоящее сознание прикасается к прошлому. Через пропасть времени перекинут мост». Так говорят суб'ективисты.

Лэшли не согласен с тем, что трансцендирование представляет какой-либо реальный процесс. Прошлые состояния сознания не вызываются, но вызывается другое новое состояние, содержащее «чувство прошлости» или отдаленности или будущности, которое не имеет отношения к реальному существованию прошлого отдаленного или будущего события. В этом случае задача бихэвиориста заключается только лишь в том, чтобы описать те реакции, которые приводят к утверждению: «Это было давно». Он должен определить условия опыта, которые составляют узнавание, но он не должен искать мистического трансцендирования в физический мир. Проблема трансцендирования должна быть совсем устранена; она мешает прогрессу науки.

Не меньшие трудности имеются в том случае, когда мы желаем об'яснить трансцендирование за содержание в процессе сравнения. В самом деле, каким образом два элемента содержания могут быть вместе познаваемы и сравниваемы в сознании. Но для Лэшли даже самой проблемы трансцендирования в процессе сравнения не существует. Интроспекция ничего не может сказать о процессе, при помощи которого это сравнение осуществляется. Процесс может быть определен только в терминах его продуктов.

То же самое нужно сказать относительно сознания «значений», «знакомости» и т. п. Они не указывают на что-либо существующее в сознании, или на что-либо существующее вне сознания. Другими словами, они представляют собою чистое nos-ensen.

Если взять проблему организации сознания, именно, «единство сознания», «ограничение сознания», самоупорядочивание, творческую деятельность и т. п., то нужно будет признать, что они могут быть определены в терминах физического существования. В самом деле, возьмем единство сознания. В пределах физической системы единство определяется, как организация в известной системе, части которой теснее связаны друг с другом, чем элементы других систем. Например, это мы имеем в солнечной системе, в физиологическом организме. В этом самом заключается и единство сознания. Разница только в элементах. В то время как физическая система состоит из математических элементов, сознание состоит из качественных элементов.

Такие процессы, как сравнение, анализ суть только лишь обозначения для того факта, что элементы, следующие друг за другом, детерминируются суммой предшествующих элементов. Но что может сказать интроспекция об этой детерминации?

Интроспекция открывает неизменное следование, но способ этой детерминации остается неопределенным. Далее, известное число элементов может быть об'единено в какой-либо конечный результат, но динамика об'единения остается недоступной для интроспективного изучения.

Определенную последовательность представлений в процессе мышления весьма часто об'ясняют влиянием детерминирующих тенденций, но во многих случаях интроспекционист признает, что детерминирующая тенденция совершенно бессознательна.

Динамика мышления также не есть предмет сознания.

Что касается проблемы творческого мышления, то с бихэвиористической точки зрения о нем можно говорить, как о процессе, в котором имеется налицо конфликт элементов содержания, разрешение конфликтов и т. п.

Описание мыши, открывающей дверцы ящика, есть такое полное об'яснение процесса мышления, какое может быть дано на основании интроспективных данных.

Проблема бихэвиориста при изучении мышления заключается в том, чтобы описать систему элементов сознания в терминах понятий физических наук; показать, что отношения, которые здесь приписываются сознанию, существуют также между физическими сущностями. «Я хочу показать, говорит Лэшли, что положение я сознаю (I am conscious) не должно обозначать что-либо большее, чем утверждение, что такие-то и такие-то физиологические процессы совершаются во мне».

По мнению суб'ективистов, «сознание есть чистый опыт, не имеет никаких аналогий и не способен к анализу. Невозможна словесная характеристика его. Поэтому бихэвиористическое об'яснение не достигает цели, потому что оно ничего не дает для этого эсотерического свойства». По мнению Лэшли, «если язык не может характеризовать невыразимые свойства сознания, тогда суб'ективная наука невозможна и бихэвиористическое об'яснение также удовлетворительно, как и всякое другое».

«Вы описали сознание сначала изнутри, а затем извне... Вы доказали, что на самом деле имеется два таких аспекта», могут возразить Лэшли. На это возражение он отвечает: Суб'ективная точка зрения есть частичный и извращенный анализ. Бихэвиоризм имеет возможность более полного анализа тех же данных. Он доставляет, поэтому, более адекватное разрешение проблемы и приводит интроспекцию к подчиненному положению». «Суб'ективное и об'ективное описание не суть описания с двух существенно различных точек зрения или описания с двух различных аспектов, но просто описание одной и той же вещи с различными степенями точности и подробности».

В этом пункте сущность бихэвиоризма становится особенно очевидной. Сознание может быть предметом изучения путем интроспекции, но это изучение менее совершенно, чем изучение того же предмета при помощи бихэвиористического метода.

Различие между точкой зрения бихэвиоризма и параллелизмом Лэшли формулирует следующим образом. «Основ-

ное допущение параллелистический доктрины заключается в том, что описательное и аналитическое об'яснение содержания сознания может быть дано без отношения к физическому миру и что такое об'яснение может иметь значение само по себе. Но если бихэвиористическое об'яснение правильно, то такое об'яснение может иметь дело с явлениями в высшей степени сложными, которые совершенно недоступны для анализа при помощи интроспекции, но которые зато могут быть анализируемы при помощи об'ективных методов». Ненаучность интроспективного метода Лэшли видит в отсутствии суб'ективного критерия сознания, так как предметом изучения суб'ективиста являются феномены под-, до-, со-, сознательные и т. п., которые, однако, не сознаются. Приходится, таким образом, признать парадокс «сознания без познания».

Об'ективная психология доставляет такой же определенный или такой же неопределенный критерий сознания, как и суб'ективная психология.

Но что понимает под сознанием Лэшли?

Сознание им понимается, как некоторая физическая организация. «Понятие сознания есть понятие сложной интеграции и последовательности телесных деятельностей, которые близко связаны друг с другом или включают словесные механизмы и механизмы выразительных движений». «Элементы содержания суть процессы реакции на раздражение и не отличаются по существу, начиная от механизма спинного рефлекса обезглавленного животного до наиболее сложной «приспособительной деятельности человека».

Сознание состоит из отдельных видов и рядов реакций, действующих между собою, и признаки сознания могут быть определяемы в терминах отношений и последовательностей реакций.

Виды реакций могут существовать в различных степенях сложности и непрерывности. Так как сложность и непрерывность процессов возрастает, начиная от простой спинномозговой координации до сложных мозговых интеграций, то сумма интегрированных деятельностей принимает все более и более аттрибуты сознания нормального, бодрствующего индивидуума».

Если какие-либо процессы лишены сложности или непрерывности, то они лишены существенного признака сознательных состояний и классифицируются, как рефлективные или автоматические действия. Если они сложны, долго длятся и способны воздействовать на словесно выразительные механизмы, они могут представлять все или некоторые признаки совершенно интегрированных реакций и выступать в качестве автоматического письма, сомнамбулизма и т. п.

Сознание есть общий термин, применяемый к многообразию сложных интеграций.

Таким образом, по мнению Лэшли, сознание для бихэвиориста есть только определенная совокупность реакций.

Отсюда следует, что различие между психологией и науками о физическом мире совершенно стирается. «Физические постулаты также вполне применимы к душе, как и к материальному миру и не существует суб'ективно определимых аттрибутов души, которые отличали бы их от других физических процессов».

Мы рассмотрели два вида бихэвиоризма. Один—Уотсона исходит от зоопсихологии. Для него наличность сознания у других живых существ недоказуема и потому она не может быть предметом научного изучения. У Лэшли исходный пункт—физиология нервной системы. Он признает реальность сознания, но не признает его своеобразной природы, отличной от природы физических явлений. По его мнению, все основные предпосылки наук о природе вполне применимы к явлениям психическим. Кроме того, так как то, что обыкновенно называется сознанием, есть не что иное, как «содержание», соответствующее, по мнению Лэшли, об'ективной реакции, то вместе с этим из кругозора наук совершенно устраняется то, что можно было бы назвать чистым сознанием.

Я не стану подробно останавливаться на критике бихэвиоризма. К нему применимы все те замечания, которые применимы вообще к об'ективным методам в психологии. Есть психофизические явления, которые могут быть изучаемы в их внешних проявлениях. Это будет вполне законной научной областью. Но если Уотсон, как мы ви-

дели, признавая реальность сознания, в то же время не считает возможным делать его предметом научного исследования, то это нужно считать просто противоречием.

Значительно сложнее аргументация Лэшли, но, тем не менее, его аргументация в основных чертах должна быть признана совершенно ложной. Во-первых, никак нельзя с ним согласиться, когда он утверждает, что те же принципы, которые применяются к явлениям мира физического, могут быть применяемы и к психическим явлениям. Во-вторых, нельзя с ним согласиться, когда он считает просто не подлежащими исследованию те психические функции, которые в самом акте внутреннего опыта не воспринимаются. Этот аргумент нельзя считать состоятельным потому, что о наличности самой функции мы можем судить по результатам этой функции, о ней мы можем умозаключать. Строить умозаключений не воспрещается и естественными науками.

В заключение отмечу, в каком положении находится вопрос о бихэвиоризме в Америке в оценке самих американских психологов.

В своих «Основах Психологии»[1]) от 1923 г. Пильсбери говорит следующее. Он признает целесообразность об'ективного метода, поскольку он может быть применим, но он считает спорным, может ли он быть единственным методом в психологии. «Многие вопросы, интересующие психологов, касаются таких состояний, на которые были даны ответы при помощи прежних методов. До настоящего времени не было произведено об'ективного исследования этих проблем, и мы или должны отбросить эти проблемы, или принять результаты прежних методов, основанных на прежних предпосылках. Уотсон, самый крайний бихэвиорист, освобождает себя от указанной трудности тем, что отбрасывает всякое упоминание о душевных состояниях, утверждая, что если они и существуют, то они не могут быть положены в основу науки. Некоторые из его наиболее умеренных последователей довольствуется тем, что подчеркивают желательность применения об'ективных ме-

[1]) Pillsbury The Fundamentals of Psychology 1923 стр. 7.

тодов в тех случаях, в которых он может быть применяем. Сознание им кажется фактом непосредственного опыта. Если оно существует, то оно должно быть принимаемо в рассчет при изучении поведения в том случае, когда оно доставляет соответствующие данные».

В изложении Пиллсбери в группе последователей Уотсона замечается бесспорно примирительная тенденция.

Совершенно правильную оценку бихэвиоризму в ее отношении к психологии дает Мур[1]) Противоположность между психологией и бихэвиоризмом он выводит из противоположности структурализма и функционализма, как определенных психологических направлений.

Структурализм смотрит на душевную жизнь исключительно с точки зрения стрктуры. Психологию структурализма он определяет как науку о душевных состояниях или душевных содержаниях. Его метод заключается в том, что он берет какое-либо душевное состояние или состояние сознания, анализирует его на его элементарные содержания, а затем показывает, каким образом эти элементы комбинируются для того, чтобы образовать более сложные содержания, с которыми опыт имеет дело. К структуралистам Мур относит, например, Тичнера и Вундта.

Функционализм смотрит на душевную жизнь с точки зрения функции и психологию определяет, как знание о душевных процессах или функциях. Функционализм трактует душевные процессы скорее, как фазы цельной душевной деятельности, чем как комплексы простых элементов.

Но между этими двумя направлениями, некоторое время враждовавшими друг с другом в Америке, состоялось примирение вследствие признания важности и даже необходимости структурной и функциональной точки зрения для совершенного понимания душевной жизни. Так, например, Торндайк делит психологию на два отдела: на психостатику или структурную психологию и психодинамику или функциональную психологию. Американские психологи пришли к тому убеждению, что для совершенного понимания душевной жизни необходима комби-

[1]) Moore. The Foundations of Psychology 1921 стр. 27 и 55.

нация структурной и функциональной точек зрения. Точно таким же образом для того, чтобы понимание человеческого поведения было полным, нужно комбинировать «об'ективную» и «суб'ективную» точку зрения. Для бихэвиориста поведение есть чисто об'ективное или физиологическое действие, а для «менталиста» (психолога интроспективиста) сознание очень часто есть самодовлеющий об'ект интереса в человеческой жизни. Но широкий взгляд на человеческую жизнь должен находить место и для сознания и для поведения. «Мы не одобряем бихэвиориста, говорит Мур, не только за его презрительное отношение к прежней психологии, но и за его черезчур узкое понимание поведения. Он думает, что человеческая жизнь или поведение могут быть об'яснены в чисто об'ективных или физиологических терминах. Интроспективная или менталистическая психология не заявляет, или, по крайней мере, не должна заявлять, что она есть самодовлеющая наука о человеческом поведении, но наука только о той части человеческой природы, которую мы называем психической; бихэвиоризм не делает такого заявления и в этом заключается его ошибка».

Таково же мнение и Геррика[1]), которого цитирует Мур. «Хотя возможно и было бы вполне оправдано пренебрежение сознания в какой-либо частной программе по изучению поведения, однако, было бы неудобно и ненаучно элиминировать интроспективный метод из бихэвиористической программы, как чего-то целого. С другой стороны, было бы вредно исключать «поведение» из психологической программы на том основании, что были получены некоторые полезные обобщения из чисто интроспективного изучения сознания. Если психология хочет удержать свое место между науками, она не должна изолировать самое себя от прочих естественных процессов, ограничивая свой интерес или чистой интроспекцией, или чисто об'ективным поведением».

Гарвей Карр по этому же вопросу говорит: «тот несколько неортодоксальный взгляд, что душевные функции, с которыми имеет дело психология, суть сами по себе в

[1]) Herric. Journal of Philosophy 1915

действительности психофизические и что психология должна изучать и пытаться понять эти функции в их целости, включая таким образом в свою область действия, которые лежат вне поля сознания; такой взгляд, по его мнению, представляет посредствующую точку прикосновения для двух крайностей суб'ективизма и бихэвиоризма»[1]).

Мак Даугол, сам введший понятие психологии поведения и последние годы относившийся очень отрицательно к чистым бихэвиористам, свой взгляд на бихэвиоризм выражает следующим образом: «Структура души есть система, которую мы должны строить из выводимых данных двоякого рода—фактов поведения и фактов самонаблюдения (интроспекции)»[2]).

---

[1]) Psychological Review. 1917.

[2]) Mc Dougall. An Outline of Psychology 1923. стр. 42

Содержание настоящей книги может быть резюмировано в следующих тезисах:

ТЕЗИС 1-й.

Чистая неврология изучает только физические и химические процессы, совершающиеся в мозгу. Если изучается функция нервной системы во всем об'еме, поскольку она служит для всей жизнедеятельности организма, то это будет не неврология просто, а психоневрология, или психофизиология. Учение о рефлексах простых и условных (сочетательных) является двухсторонним и относится или в область чистой неврологии, или в область психоневрологии (психофизиологии).

ТЕЗИС 2-й.

Рефлексология, как научная дисциплина, в редакции Бехтерева не содержит ничего, принципиально отличного от того, что содержит эмпирическая психология. Термин «рефлексология» должен быть в силу этого или совсем упразднен, или заменен термином «психорефлексология».

ТЕЗИС 3-й.

Если термин «рефлексология» означает чистую физиологию, но при том предполагает изучать психические процессы, то это означало бы сведение психического к физиологическому, что в научном отношении является совершенно недопустимым.

Рефлексология, как психофизиологическое учение о рефлексах, простых и условных, может иметь научное значе-

ние, как часть психологии, но отнюдь не может выступать, как отдельная научная дисциплина, заменяющая психологию.

ТЕЗИС 4-й.

Об'ективный метод рефлексологии и бихэвиоризма непременно предполагает применение психологических понятий, и потому он не может считаться чисто об'ективным. Если это признать, то противоположность между об'ективизмом и суб'ективизмом в психологии устраняется и именно тем, что психология, разумеется, интроспективная вбирает в свои недра и все содержание рефлексологии и бихэвиоризма.

ТЕЗИС 5-й.

Бихэвиоризм и рефлексология, поскольку их данные могут быть переводимы на язык интроспективной психологии, может служить только дополнением к психологии, но отнюдь не заменять ее. Весь спор между рефлексологией, бихэвиоризмом и психологией разрешается таким образом, что бихэвиоризм и рефлексология становятся частью психологии.

ТЕЗИС 6-й.

«Об'ективной» психологии нет и быть не может. «Об'ективная психология» есть противоречивое понятие. Можно говорить об об'ективном методе в психологии. Под ним нужно понимать изучение чужой душевной жизни (у человека и животных) с переводом наблюдаемого материала на язык интроспективной психологии.

ТЕЗИС 7-й.

В психологии суб'ективный метод не значит индивидуально значимый в противоположность об'ективному в смысле общезначимого метода. Вследствие этого лучше противополагать интроспективный метод—рефлексологическому или, по примеру американцев, ментализм противополагать бихэвиоризму.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие 5

ГЛАВА I. „Рефлексология“ В. М. Бехтерева 7

ГЛАВА II. Учение об условных рефлексах академика И. П. Павлова 33

ГЛАВА III. „Психология поведения“ (бихэвиоризм) . . . 52

Тезисы 77